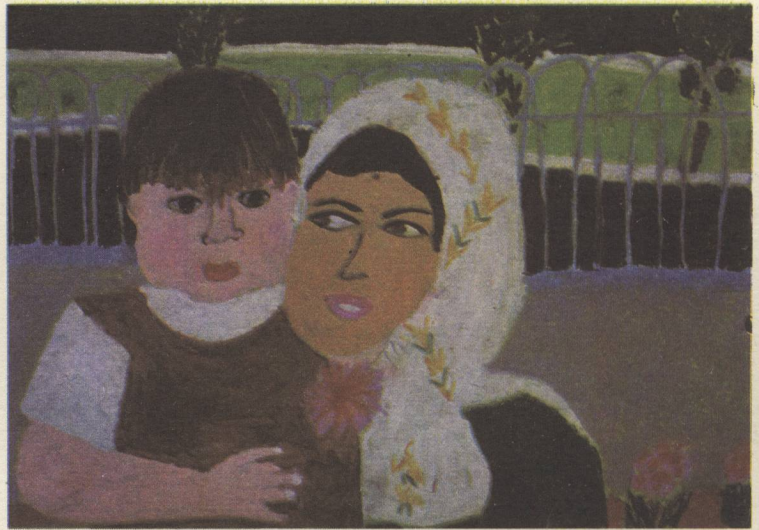

8 АВГУСТ 1976

„Я ВИЖУ МИР“

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА
ДЕТСКОГО
РИСУНКА

132 - 2000000

КОСТЁР

8
АВГУСТ
1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года
© „Костёр“, 1976 г.

Рисунки
на обложке:

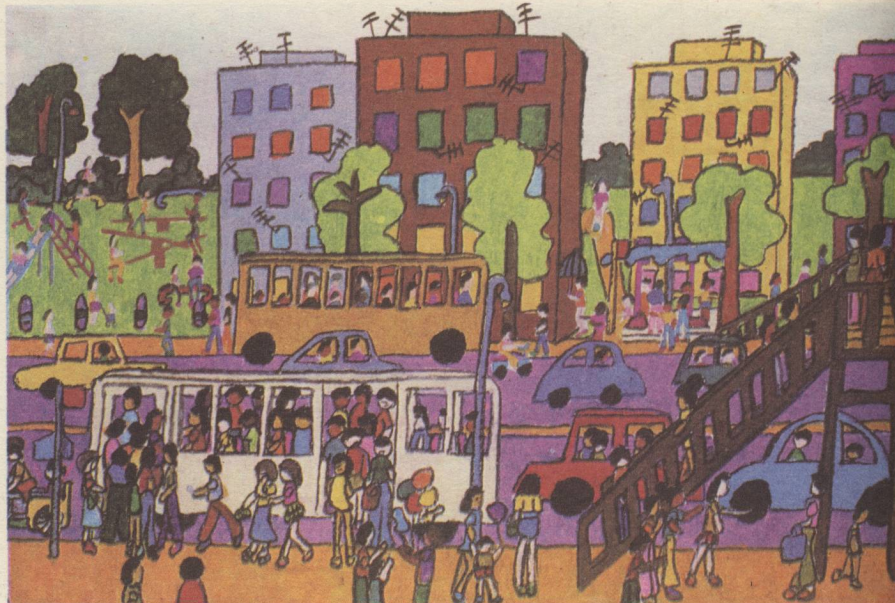
У СТЕНЫ
Рублев Вова, 11 лет. СССР

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ
Дилек Учкан, 13 лет. Турция

РЫБАКИ НА БЕРЕГУ
Маргарита Кинатедр, 15 лет. Испания

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Дедова Наташа, 10 лет. СССР

ГОРОД, ГДЕ Я ЖИВУ

Леон Ят Ят, 11 лет. Республика Сингапур

ХОТА НА ПЕВЧИХ ПТИЦ

Ева Бич, 14 лет. Испания

ТАНЕЦ ДРАКОНА

Вон Тен Тем, 9 лет. Республика Сингапур

„СОЛНЦЕ В ВЕСНУШКАХ“

Артековцы сами о себе

Из рукописной книги

ДРУГИ РОВЕСНИКИ К ТЕБЕ ОБРАЩАЮТСЯ РЕБЯТА, ПРИЕХАВШИЕ СО ВСЕХ КОНЦОВ МИРА В СОЛНЕЧНУЮ РЕСПУБЛИКУ ДЕТСТВА — АРТЕК.

РЕБЯТА, СОБРАВШИЕСЯ В АРТЕКЕ, НОСЯТ ГАЛУСТКИ ВСЕХ ЦВЕТОВ РАДУГИ, И НА КОНФЕРЕНЦИИ „РАЗНОЦВЕТНЫЕ ГАЛУСТКИ“ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ О ТОМ, КАК ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА МИР, ДРУЖБУ, ЕДИНСТВО.

ЗАОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Наши ребята были в Артеке. Оттуда они привезли адреса ребят из многих стран. Мы теперь с ними переписываемся. В течение года мы совершали заочные путешествия по ГДР, Польше, Чехословакии. В нашем клубе проходит много встреч.

Миша Лукьяненко

ПОДАРКИ

Уф! Ну и тяжел же поход в «Лесную», где собрались все пионеры Артека.

В торжественном молчании был вынос знамени; устремив свои взгляды на флаги, стояли под салютом. Каждая иностранная делегация преподнесла артековцам свой подарок: какую-нибудь песню или танец. Великолепен был танец ребят из Гвинеи.

МЫ НА ГОРЕ АЮ-ДАГ

После долгих скитаний (наши вожатые забыли дорогу) мы добрались до вершины, до палаточного городка. Тут и началось веселье. Мы принесли в палатку хлеб, картошку. Ели, говорили, пели.

Спать легли в четыре часа. А в пять подъем.

Артек. Юные филателисты

Как здорово было сознавать, что мы находимся на самой вершине Аю-Дага!

Второй отряд

В нашей рукописной книге записи ребят всех стран мира, сегодня слово имеют

ДЕТИ ИНДИИ

Я Индержит Кохли.

Учусь в 8-м классе Нотр-Дам Академии. Мне 15 лет. Я живу с родителями в маленьком городе Ситтам (штат Бихар). У меня есть старший брат и младшие сестренка и братишка.

Рисунки из рукописной книги „Солнце в веснушках“

Кроме занятий в школе, у меня еще множество увлечений. Больше всего на свете я люблю танцевать. Люблю также индийскую классическую музыку. Еще мне нравится играть в любительских спектаклях. И вместе с моим братом мы собираем иностранные монеты.

Меня зовут Сарита Гроуер.

Я родилась 15 лет назад в городе Амбала (штат Хариана). Теперь учусь в колледже, изучаю танцы, музыку, очень люблю петь, собираю марки. У меня два брата — старший и младший.

Я Аили Лотха. Родилась в городе Кохима (штат Нагомнт).

Учусь в 10-м классе национальной школы. Мое хобби — пение, книги, кулинарное искусство. У меня четыре брата и две сестренки.

Когда я вырасту, буду врачом.

Мое имя Лакшми Мукерджи. Родилась я 15 лет назад. Теперь живу в Доргапуре с родителями, сестрой и братом. Перешла в 11-й класс. Изучаю прикладное искусство и музыку. Очень люблю рисовать, читать книги.

Меня зовут Нибха Саха. Родилась я в Восточном Пакистане. Мы уехали из Пакистана во время войны 1964 года. Я была тогда совсем маленькая, мы умирали с голоду. Индийское правительство дало нам еду, дома для жилья и все необходимое для жизни. Нам, детям, дали возможность бесплатно учиться. Теперь я живу в городе Чандрапуре (штат Махарамтра). Учусь в 10-м классе.

* * *

Море — из маленьких капель воды,
Небо — из яркой голубизны,
Солнце — из золота неоценимого,
Горы — ущелья непроходимые,
Ну, а Артек — это вместе все взятое,
Солнце встречают вместе с ребятами
Черное море, небо и горы
Звуками бодрого, звонкого горна!

Лена Шумейко, 13 лет

КОСТРЫ

Вечер. В это время Артек зажигает костры. Вокруг костра сидят, прижавшись тесно друг к другу, русские, вьетнамцы, немцы, французы. Мы разговариваем на разных языках, но понимаем друг друга. В один из таких вечеров состоялась встреча советских ребят и кубинцев. Потом все пели песни, смеялись, шутили. Вечер закончили песней «Марш 26 июля».

Люба Сурикова, Новгород

Фото В. Чернова

РАССКАЗ

Вильям КОЗЛОВ

Рисунки О. Давыдовой

Серенький жил с матерью в железнодорожной будке на двести шестнадцатом километре. Прямо перед окнами — насыпь с блестящими рельсами, а дальше уткнулись в синее небо высоченные сосны и ели. Среди них белеют редкие березы, осины. Лес окружил небольшую желтую будку со всех сторон.

Сколько себя Серенький помнит, он все время живет здесь. Редко, может быть, раз или два в месяц, мать берет его с собой в город. Это шестнадцать километров отсюда. В городе они ходят по магазинам, делают разные покупки по хозяйству, заходят в парикмахерскую, где Серенького сажают в кресло на специальную подставку и в два счета состригают желтые, как пшеничная солома, лохмы. Не наголо, конечно, — «под бокс». Постригут, а потом побрызгают из пульверизатора одеколоном. И весь день мальчик ощущает непривычный запах цветочного одеколona. Он всякий раз вспоминает этот запах, когда мать заводит разговор о том, что надо бы съездить в город.

Бывают они и в кино на дневном сеансе. Долго в городе не задерживаются: мать Серенького работает путевым обходчиком и следит на своем участке за железнодорожным полотном, встречает и провожает с желтым флажком в руке каждый поезд. К пяти вечера они должны быть на месте: пройдет из Ленинграда на Польшку пассажирский.

В город и обратно они ездят с рабочим поездом, который специально останавливается на разъезде, чтобы захватить их. Рабочий ровно в 16.00 доставляет их домой на двести шестнадцатый разъезд.

МАШИНИСТ

Хотя будка и далеко от города и окружена дремучими лесами, Серенький не скучает дома. В любое время года у него дела хватает: зимой катается на доске с ледяной горки, отважно спускается на лыжах с крутого откоса, вместе с Лайкой ходит в потрескивающий от мороза заснеженный лес, где наблюдает за суетливыми снегирями, облепившими ольховый куст, будто красные фонарики, слушает сварливые крики потревоженных лосем сорок; иной раз увидит белку, лисицу, зайца, Лайка тут же припустит за зверьком, но скоро возвращается: снежный наст не выдерживает ее тяжести. А дятел совсем не боится их. Прямо над головой долбит и долбит сухую сосну. Иногда повернет точеную головку, глянет вниз и снова за дело. На чистый снег просыпается коричневая труха, бабочками планируют вниз лепестки нежной красноватой коры.

Да что и говорить, в лесу всегда интересно. В лесу не соскучишься. Он ведь живой, лес-то! Стоит подуть ветру — и деревья начинают разговаривать друг с другом, рассказывать разные интересные истории. И тот, кто умеет слушать лес, никогда не спутает голоса деревьев. А голоса у ели, сосны, березы, осины совсем непохожие. У каждого дерева свой собственный голос. Но больше всего Серенький любит встречать поезда. Стоит рядом с матерью и смотрит на мелькающие мимо вагоны. Куда они бегут, торопятся? В каких странах-городах их ждут?..

Ровно в семнадцать ноль пять мимо разъезда проходит пассажирский Ленинград — Полоцк. Сначала слышится далекий паровозный гудок. Машинист предупреждает Серенького и

мать, что пассажирский уже прогрохотал через железнодорожный висячий мост, который от них в трех километрах, и выходит на прямую к ним. Из-за сосен поезда не видно, но уже над вершинами серыми тугими шапками взлетает дым. Много таких шапок разбросано вдоль путей над бором. Поезд идет на подъем, и машинист не жалеет пару.

Все ближе пассажирский, уже видна на черной маслянистой груди паровоза красная звезда, слышен металлический стук колес, тоненькое со свистом шипение пара, в будке машиниста виднеется широкое плечо и усатая голова машиниста Парамонова. Он тоже смотрит на Серенького и мать из-под лакированного козырька форменной фуражки. Смотрит сурово, без улыбки. Лицо у него загорелое, обветренное, скулы выпирают, как две печеные картошки, глаза от ветра прищурены. Усы у машиниста густые, темные, и кончики заггибаются вверх, как у маршала Буденного.

Парамонов сверху вниз смотрит на них и едва заметно что-то трогает там внутри рукой, и тотчас раздается негромкий добродушный гудок. Это Парамонов поздоровался с ними. Мать держит перед собой желтую трубку флажка и тоже без улыбки смотрит на машиниста. Глаза у матери синие, длинные ресницы заггибаются вверх. Из-под косынки выбивается черная прядь и трепещет на ветру. Паровоз заслонил собой уже полнеба, и, чтобы увидеть машиниста, нужно задирать голову. С шумом, лязгом, железным грохотом проносится мимо паровоз, и вот уже виден лишь затылок машиниста. И широкое плечо, обтянутое синим кителем. Пролетают мимо длинные

цельнометаллические вагоны с белыми табличками на боку. В окнах видны люди. Кто лежит на верхних полках и смотрит в окно, кто ест за столиком, кто в книжку уткнулся. Лица рассмотреть невозможно, какие-то бледно-желтые пятна.

Пронесется пассажирский, помаячив напоследок вытянутым вверх черным проемом последнего вагона с красным фонарем, и исчезнет в сиреневой дали, где рельсы снова сходятся в одну блестящую точку. Еще некоторое время будет остро пахнуть паровозным дымом. Далеко-далеко разнесется над притихшим лесом продолжительный прощальный гудок. И станет тихо. Лишь с высоких потревоженных сосен, что у самого полотна, долго будут сыпаться вниз желтые иголки да теплый рельс, если к нему приложить ухо, будет тоненько и мелодично звенеть.

С Парамоновым Серенький познакомился этой весной, когда на их участке ремонтировали путь: снимали старые износившиеся рельсы и вместо них устанавливали новые с железобетонными шпалами. Несколько дней окрест разносился стук молотков, лязг железа, людские голоса. Серенький с утра до вечера крутился возле рабочих, но они на него почти не обращали внимания. Да у них и времени не было: нужно скорее отремонтировать путь — и дальше!

Пассажирский остановился напротив будки — работники не успели к приходу поезда закрепить болтами рельсы — и машинист соскочил с железной подножки, чтобы поторопить их, хотя и так было видно, что они стараются изо всех сил.

Парамонов был высокого роста, широкоплечий и серьезный. И еще, на что обратил внимание Серенький, очень чисто одет. Обычно машинисты ездят в замасленных куртках и мятых фуражках, а на Парамонове все было опрятное, фуражка новая с белыми шнурами и блестящим лакированным козырьком. Поговорив с бригадиром в оранжевой безрукавке, Парамонов подошел к ним. Наверное, он был не очень разговорчив, потому что долго молча смотрел на мать, и в глазах его росло удивление. Мать первой отвела взгляд и стала сворачивать и разворачивать красный флажок, и Серенький заметил, что на щеках ее вспыхнул румянец. И тогда машинист перевел взгляд на мальчика.

— Волков не боишься? — спросил машинист.

— Волков? — удивился Серенький. — Я их ни разу не видел.

Парамонов закурил длинную папиросу, повернулся к матери:

— Замечаю, давно вы тут?

— Сыну было два года, когда сюда перебрались, — ответила мать и зачем-то взъерошила Серенькому густые соломенные вихры.

— Давай познакомимся, — протянул ему большую руку машинист. — Парамонов.

Мальчик растерялся — ему еще никто из взрослых не протягивал руку, — однако осторожно ухватился за широкую ладонь сразу двумя руками.

— Серенький, — тоненьким голосом сказал он и шмыгнул носом. Ему самому не понравилось, какой у него голос. Для пущей солидности откашлялся и сплюнул себе на сандалету.

— Кто-кто? — переспросил машинист.

— Серенький... — растерянно повторил мальчик и покосился на мать, дескать, такой большой, а не понимает...

— Какой же ты серенький? — улыбнулся машинист, сразу показав все свои крупные белые зубы. — Ты яркий, как цветок ромашки... Значит, Сергеем тебя величают? Выходит, мы тезки с тобой, а? Меня тоже Сергеем зовут.

— Парамонов, прокатите на паровозе? — осмелел Серенький. — Я ничего трогать не буду.

— При одном условии: ты позабудешь, что когда-то был сереньким. Ты теперь Сергей... Как по батюшке-то?

— У меня нет батюшки, — ответил Сережа. — Только мама.

— А где же твой... — Парамонов взглянул на мать и осекся. Когда он снова повернулся к Сереже, лицо у него было виноватое. — Я прокатил бы тебя, тезка, а как мать? — И он снова посмотрел на нее.

— Мам, можно? — умоляюще взглянул на нее и Сережа.

— О чем вы тут толкуете? — нахмурилась мать. — Это же поезд, а не автобус, который можно где угодно остановить...

— Я завтра поеду с утренним и привезу его, — сказал Пармонов.

— Не потеряюсь я, — ввернул Сережа. — Ты говорила, надо купить лаврового листа. Я и куплю.

— Гляди, какой хозяйственный парень, — усмехнулся машинист.

— И этого... перца куплю, — уговаривал Сережа. В широко распахнутых глазах его — надежда.

Мать взглянула в сторону ремонтников, свернула красный флажок, засунула в чехол, затем вытащила оттуда желтый.

— Путь свободен, — сказала она, не глядя на машиниста.

— Сердитая у тебя мать-то, — заметил Пармонов.

Сережа ничего не ответил, только носом шмыгнул и отвернулся.

— Зачем вы так? — укоризненно взглянула на Пармонова мать. — Куда-то к чужим людям... Да я всю ночь глаз не сомкну. Он ведь один у меня.

— Не забудь, ты теперь не серенький — Сергей, — сказал на прощание машинист и снова с серьезным лицом пожал маленькую руку. — Мы еще с тобой, тетка, прокатимся!..

— Вы... вы ведь никогда тут не останавливаетесь, — изо всех сил крепясь, чтобы не заплакать, проговорил Сережа.

Мать у Сережи еще совсем молодая, ей нет и тридцати. Невысокая, ладная, с темно-синими живыми глазами и черными длинными красивыми волосами, которые она сворачивала в тугий жгут и прятала под косынку, она когда-то была веселой, любила поболтать с подружками, но после трагической смерти мужа — он работал на станции сцепщиком и попал под поезд — сильно переменялась: стала сумрачной и молчаливой. И редко когда на ее осунувшемся большеглазом лице появлялась прежняя веселая улыбка. Все вокруг напоминало о муже, и когда подвернулось место путевого обходчика на дальнем разъезде, она сразу согласилась. И вот уже четвертый год живут они тут одни.

Иногда приезжает со станции Сережина бабушка. Привезет гостинцев, игрушек, поживет неделю-две и уезжает домой. «Как вы тут в глуши можете? — удивлялась каждый раз она. — Без людей-то? Я бы не смогла так...»

И все-таки что-то в их жизни переменялось с тех пор, как остановился на разъезде пассажирский и с паровоза сошел к ним машинист Пармонов. Случалось раньше, увлекшись игрой с Лайкой или сооружая в ближнем лесу

шалаш из сухого лапника, Сережа забывал про пассажирский и даже головы не поднимал, когда он проносился мимо разъезда, но теперь в 17.05 всегда стоял на посту у будки рядом с матерью и встречал Пармонова. Правда, машинист водил пассажирский через день. По четным числам. По нечетным ездил другой машинист, всегда перепачканный в мазуте, но веселый, улыбающийся. Он тоже смотрел в окно, тоже кивал матери, Сережке, улыбался и иногда что-то кричал, но ветер и шум заглушали его слова.

Сережа лежал на опушке леса и смотрел вверх. Огромные сосны расступились, и в ровном ярко-синем квадрате неба арбузной коркой смутно желтел бледный месяц. Прямо в него упиралась остроконечной вершиной огромная ель. Прошелестел вверху порыв ветра, и с тихим шорохом посыпались желтые сосновые иголки. Пошел сосновый дождь. Их много было в осеннем лесу, дождей: сосновый, березовый, осиновый и даже — паутинный! Сереже нравился сосновый дождь. Высоченные деревья начинали на ветру негромко шуметь и просыпать сухие иголки. Они шуршали в ветвях, как дождевые капли, и неслышно струились на седой мох. Все сосны разом стряхивают с себя отмершие иголки. И если сквозь ветви пробивается солнечный свет, то мельтающие в лесу иголки и впрямь напоминают дождевые капли, только длинные, золотистые. Когда идет сосновый дождь, лучше закрыть глаза: разлапистая иголка может кольнуть в щеку, лоб, а то и ткнуться в глаз.

Пронесся над соснами порыв ветра, и снова стало тихо. Кончился сосновый дождь. Последняя растопыренная иголка бесшумно спланировала мальчику на голову. Воткнулась в густые торчащие на макушке вихры, но Сережа и не заметил. Он думал о Пармонове. Каждый день грохочут мимо разъезда товарные и пассажирские поезда. И обязательно кто-нибудь выглядывает из будки паровоза: машинист, помощник его или кочегар. Мелькнет чужое незнакомое лицо и исчезнет, точно так же, как смутные лица пассажиров за пыльным вагонным стеклом. А вот усатое неулыбчивое лицо машиниста Пармонова запомнилось, чем-то тревожило сердце. Растопырив пальцы, он долго разглядывал свою маленькую испачканную смолой ладонь. Это ее осторожно пожал своей огромной ручищей Пармонов. Сережа верил, что он прокатил бы его на паровозе до самого города. И ранним утром высадил бы на разъезде. Ведь путь еще до конца не отремонтировали.

На этот раз Сережа раньше матери вышел встречать пассажирский. Когда локомотив поравнялся с будкой, Пармонов еще больше, чем обычно, высунулся из окна и, сверкнув белыми зубами, поздоровался, а затем бросил прямо к их ногам перевязанный шпагатом пакет. Мать только головой покачала, а Сережа проворно поднял сверток и тут же стал развязывать бечевку.

В пакете был оловянный игрушечный пугач, кулек шоколадных конфет и шелковый цветной платок. Повертев его в руках, Сережа протянул матери: «Это тебе, мам!» Проводив пассажирский, мать вернулась в будку и примерила платок перед зеркалом. Обычно хмурое лицо ее тронула улыбка, и мать сразу помолодела, стала красивой. В ярких синих глазах появился блеск. «Вот еще, — глядя на себя в зеркало, сказала она, — чего это он выдумал?..»

Через день мать вышла встречать пассажирский — путь уже отремонтировали, и дорожники передвинулись дальше — в новом нарядном платье, которое лишь в город надевала, и подаренный платок был наброшен на плечи. Еще издали увидев ее и Сережу, Парамонов вдруг застеснялся, зачем-то снял свою красивую фуражку, и шальной ветер растрепал, взъерошил его темно-русые волосы. В окно высунулась еще чья-то чумазая улыбающаяся физиономия, но машинист шевельнул плечом, и физиономия исчезла. Парамонов хотел что-то сказать, даже рот раскрыл, но тут кто-то из его бригады дернул за рычаг и раздался густой паровозный гудок. У Сережи даже уши заложило. Прогудел мимо паровоз, и теперь только зеленые вагоны мельтешили перед глазами. На боках их фарфорово посверкивали длинные узкие таблички с выпуклыми черными буквами.

С того раза Парамонов частенько сбрасывал на ходу подарки Сереже. Он бы и матери что-нибудь дарил, но она однажды перед приходом пассажирского притащила ведро с разведенным мелом и, макая длинную кисть в густую жижу, написала большими буквами на дощатом сарае: «Не надо!». Прочитав эту надпись, Парамонов развел руками, дескать, ничего не поделаешь, и невесело улыбнулся Сереже. Надпись с неделю белела на сарае, потом дождь смыл ее. И на следующий же день Парамонов сбросил Сереже красивый оранжевый самосвал. Коробка неудачно стукнулась о шпалу, раскрылась, и игрушка отлетела к забору. Самосвал охромел на одно колесо и не заводился, но Сережа все равно был рад подарку и с тех пор не расставался с игрушкой. Машина и на трех колесах прекрасно ездил по ровной тропинке.

А потом Парамонов куда-то пропал. Сережа не поверил своим глазам: из будки машиниста выглядывал пожилой небритый мужчина. Равнодушно взглянув на них, он отвернулся и стал смотреть прямо перед собой, как и положено машинисту.

— А где Парамонов? — спросил Сережа мать. Он очень расстроился, большие и синие, как у матери, глаза его моргали.

— Кто ж его знает. Может, в отпуске или перевели на другую ветку.

— Он больше не будет тут ездить? — тоненьким голосом спросил Сережа. Когда он сильно волновался, голос его почему-то становился совсем девчоночьим.

— Не бери в голову, — сказала мать. — Кто он нам? Чужой человек...

— Не чужой! — совсем тоненьким голосом возразил Сережа. — Вот этот проехал — чужой... А Парамонов — какой же он чужой? Он мне вон что подарил! — кивнул Сережа на прижавшийся к его босой исцарапанной колючками ноге оранжевый самосвал. — И вот! — похлопал себя по карману, из которого торчала рукоятка оловянного пугача. — Чужие такое не дарят. Парамонов — машинист. И я, когда вырасту, буду машинистом. Буду ездить на паровозе и гудеть: «Ду-у!» Я обязательно буду машинистом, как Парамонов.

Мать с удивлением смотрела на него: сын никогда не произносил таких длинных взволнованных речей. И никогда еще голос у него не был таким тонким, как трель жаворонка.

— Никто мы ему, сынок, — урезонивала мать. — Так, посторонние. У него своя жизнь, заботы... Не думай ты о нем, Серенький!

— Сережа я! — голос его все-таки сорвался, глаза наполнились слезами. — Не зови меня Серенький, — почти шепотом попросил он. — Сергей я... как Парамонов. А машинистом я буду. Вот увидишь...

— Будешь, будешь... — ласково погладила его по растрепанной голове мать. И глаза у нее тоже были грустные.

Заклубились темно-пепельные облака, над лесом прошелестел протяжный вздох, и среди красноватых и белых стволов запорхали сосновые иголки и желтые листья. Один лист совсем как бабочка-капустница затрепетал у самой морды Лайки, и та хамкнула пастью, пытаясь поймать его, но лист ловко увернул в сторону. Сережа смотрел на большого черного дятла, который, оседлав сухостойную сосну, ловко отваливал от ствола крупные ошметки коричневой коры. Вокруг ствола образовалась целая горка. А ствол стал похож на индюшачью шею, такой же голый и пупырчатый. Дятел долбил своим стальным клювом дерево и изредка косил спокойным круглым глазом на Сережу, а может быть, на Лайку, которая лежала у ног своего маленького хозяина.

Сережа думал о Парамонове: неужели он больше никогда не высунется в окошко паровоза и не улыбнется Сереже и маме? Где он сейчас? Мама говорит, может, в отпуске... Неужели у машинистов такой длинный отпуск? И еще мама говорит, что Парамонов давно и забыл про них, мало ли на железнодорожной ветке разных станций и разъездов?!

Утром мама встала раньше Сережи. Опрокинула в хлеву подойник с парным молоком. Такое с ней в первый раз. Полежала немного и ушла путь проверять. И походка у нее сегодня совсем другая, незнакомая. Будто идет с мешком картошки на спине. А что с ней такое, не говорит...

Сережа вытянул ногу и дотронулся до оранжевого охромевшего самосвала, с которым по-

следнее время не расставался. Самосвал нехотя покатился под горку, потом все быстрее, быстрее, перепрыгнул через сучок, скособочился и, налетев на пень, опрокинулся.

Сережа встал и, не глядя на любимую игрушку, зашагал к будке. Лайка потрусилась вслед за ним. В беловатой с черным шерсти желтели сосновые иголки, мелкие сучки. Черный дятел перестал потрошить сосну и внимательно посмотрел им вслед. Затем — прыжок — поднялся повыше, прицелился и с маху всадил клюв в дерево. Большой ошметок полетел вниз, а дятел стал быстро выдергивать из маленьких дырочек не успевших спрятаться червячков.

Мать лежала на неразобранной кровати, от-вернувшись к стене. Она очень аккуратная и никогда не ложилась на застеленную белым покрывалом постель нераздетая, да еще в сапогах. На стене негромко тикали ходики. На циферблате нарисована кошачья голова. Узкие зеленые глаза бегали то вправо, то влево. На носу кошки сидела муха.

Сережа осторожно стащил с ноги матери сапог, потом махнул рукой на муху — и она улетела. Держа сапог в руках, Сережа смотрел на циферблат и шевелил губами, высчитывая, который час. Маленькая стрелка чуть-чуть не доходила до цифры пять, а большая приближалась к десяти. Скоро пять часов. Без десяти пять... Сережа вдруг услышал негромкое стрекотание селектора, стоявшего на столе в углу. Обычно мать сразу подходила к аппарату, что-то переключала и отвечала дежурному по станции. Сейчас даже не пошевелилась. Сережа потянул ее за руку:

— Мам, звонит. Слышишь, тебя вызывают!

Мать застонала и немного повернула к нему лицо. Глаза полуприкрыты, лоб бледный, с крупными каплями пота, а щеки горят. Длинные черные волосы разметались по подушке. От матери так и пышет жаром.

Селектор замолчал, а муха снова уселась на часах кошке на нос. Мать открыла глаза и что-то быстро забормотала, слов Сережа не разобрал. Ее глаза смотрели на него, но ничего не видели. Она разговаривала сама с собой...

На столе опять затрещал селектор, замигала зеленая лампочка.

Еще раз взглянув на часы — муха все еще сидела на носу кошки, — Сережа вдруг сообразил, что скоро пройдет пассажирский... Через пять минут! А мама лежит на кровати и не думает вставать. Что он себя помнил, она всегда выходила с флажком к пассажирскому. Потому и селектор трещит, предупреждает, что поезд уже вышел со станции.

— Пассажирский идет! — уже не говорил, а кричал Сережа. — Вставай, мама! Надо на пост. Вставай же!

Сережа сорвался с места, ногой распахнул дверь в сени, схватил ковшик, стуча им о края цинкового ведра, почерпнул воды и, расплески-

вая, принес матери. Он лил ей в крепко сжатый рот холодную воду, и слезы струились по его лицу. Он знал, что матери очень плохо, и ничем не мог помочь.

Донесся далекий протяжный гудок. И что-то тревожное было в нем. На прямую к разъезду вышел пассажирский Ленинград — Полоцк...

Сережа не знал, что случится, если машинист не увидит на посту путевого обходчика с желтым флажком в руке. Он знал одно: в любое время, днем и ночью, зимой и летом, в дождь и вьюгу, всегда на своем посту путевого обходчик. Встречает и провожает товарные и пассажирские поезда, гордо держа флажок перед собой...

Мелкий дождь сек лицо, но машинист, прищурив глаза, зорко всматривался вперед. Двумя влажными полосками серебрились рельсы. На откосах поникли нескошенные кусты высокой травы, среди нее желтели и краснели щедро рассыпанные ветром опавшие листья. Кочегар за спиной швырял в топку лопату за лопатой уголь. Пассажирский выходил на прямую, откуда начинался подъем. Все до мелочей знакомо тут машинисту. Уж который год водит он по этой ветке поезда. Отступили сосны, перемешанные с березами и осинами, прошелестели на выкошенной пустоши высокие стога, уже забранные под остроконечные крыши, негромко пробормотал под колесами небольшой бетонный мост через узенький ручеек без названия. А вот показалась и желтая будка двести шестнадцатого разъезда...

Но что это? Машинист еще больше высунулся из окна и, прикрывая ладонью глаза от секущего дождя, пристально всматривался вперед. И лицо его становилось все более озабоченным. Что-то ему не понравилось там, на разъезде...

Резко отвернувшись от окна, он потянул на себя ручку риверса, есть такой в будке машиниста рычаг, который управляет локомотивом, затем включил тормозную систему. Выпустив облако белого пара, пассажирский резко сбавил ход. Завизжали тормоза, тягуче застонали под колесами рельсы. Пассажиры, ощутив толчок и вслед за ним резкое торможение, приникли к заплаканным окнам. Но ничего особенного не увидели: все тот же сосновый бор, березы и осины с поредевшей листвой.

Локомотив остановился как раз напротив будки. Высокий с мокрыми усами машинист спрыгнул с подножки и широко зашагал к маленькой съезжившейся на холодном ветру фигурке мальчика, державшего в вытянутой руке желтый флажок. То ли дождь, то ли слезы струились по расстроенному глазастому лицу мальчишки. Он, казалось, ничуть не удивился, что на разъезде остановился пассажирский, а сам машинист подошел к нему.

— Парамонов, — сказал он тоненьким-тоненьким голоском. — Я думал, ты больше к нам не придешь.

Машинист шагнул к мальчику, нагнулся и приподнял его в воздух.

— Что с матерью? — спросил он. С усов его падали блестящие капли. Глаза встревоженные.

— Она там... — кивнул Сережа на будку и, прижавшись мокрым лицом к колючей щеке Парамонова, заплакал...

Редкие розоватые облака не спеша проплывают высоко в синем небе. Даже удивительно, что не видно ласточек и стрижей. Они любят в такую погоду стремительно чертить небо под самыми облаками. Ласточки и стрижи улетели в теплые страны. Скоро улетят и скворцы. Они уже с неделю собираются в стаи и галдят на пожелтевших лужайках.

Сережа сидит на крыльце и приспособливает отломанное колесо к оранжевому самосвалу, который ему подарил Парамонов. Колесо все время отваливается, но мальчик упрямо насаживает его на погнутую ось. Он разыскал самосвал в лесу и вот ремонтирует. Мать стоит у сарая и кормит куриц. А на плече ее примостился сизый голубь и ждет своей очереди. Мать еще бледная после операции, но глаза у нее веселые, так и сияют. Врачи сказали, что опоздай она в больницу хотя бы еще на час — и было бы поздно. Парамонов на руках принес ее в приемный покой, и маму сразу увезли в операционную. Есть такая коварная болезнь — аппендицит. Она неожиданно сваливает здорового человека, и нужно немедленно делать операцию, чтобы заболевшего спасти.

Узнав, что операция прошла благополучно, Парамонов забрал Сережу к себе домой. Там он и жил до выздоровления мамы. И вот уже неделя, как они дома, на разъезде.

Первым делом мальчик отправился в лес, который за эти две недели еще больше похудел, осыпался, и разыскал оранжевый самосвал. Он немного заржавел, но Сережа почистил машину песком, смазал подсолнечным маслом и вот приспособил недостающее колесо.

Там, в городе, Парамонов подарил ему много разных игрушек: ружье, которое стреляет пистонами, красивую легковую машину, работающую от батареек: нажмешь на кнопку — повернет направо, на другую — налево; заводной катер с палубой и трубой.

И все-таки Сереже дороже всего был первый подарок Парамонова — оранжевый самосвал.

Услышав паровозный гудок — над сосновым бором уже расплзались шапки дыма, — Сережа недоуменно покосился на дверь: почему мать не выходит встречать пассажирский? Он уже хотел было встать и позвать ее, но в этот момент дверь распахнулась и на крыльце оказалась мама. Сережа еще никогда ее такой красивой и нарядной не видел. Будто не к поезду собралась, а на большой веселый праздник. На ней новое цветастое платье, прозрачные чулки-паутинки, туфельки на каблучках, на шее платок, подаренный Парамоновым.

Сереза молча тарацил на нее изумленные глаза.

— Какая ты... — наконец выговорил он. — Сегодня праздник, да?

Мать нагнулась к нему, от нее пахло духами, порывисто прижала к груди и поцеловала. И хотя губы ее улыбались, в глазах притаилась тревога. Сереза совсем близко видел эти большие синие родные глаза, которые, казалось, о чем-то его спрашивали, умоляли...

— Он ведь хороший, Серенький? Верно? Очень хороший и добрый?

Сереза хотел сказать, чтобы она его не называла Серенький, но мать, отпустив его, бросилась к своему месту, где она обычно встречала поезда. И Сереза заметил, что в руках ее не было флажка. Подумав, что мать забыла его, он бросился в будку, а когда выбежал к поезду, тот вопреки всем правилам замедлил ход у разъезда, и с подножки зеленого вагона спрыгнул к ним высокий человек в новеньком костюме, белой рубашке с галстуком, в руках у него чемодан. Немного пробежав по инерции, он остановился, помаhal рукой машинисту, кочегару и помощнику, высунувшимся в окно и стоявшим на подножке паровоза. Улыбаясь и что-то крича, они тоже махали руками.

Когда прогрохотал мимо последний вагон,

Парамонов поставил чемодан на бровку и повернулся к ним.

— Здравствуй, тезка! — почему-то поздоровался он сначала с Серезей. И тот снова, как и у матери, почувствовал в его глазах немой вопрос. Парамонов смотрел на него и чего-то ждал. И понимая, что сейчас происходит что-то очень важное в их жизни, Сереза, волоча за собой на бечевке самосвал, подошел к машинисту и протянул руку.

— Ты к нам в гости, Парамонов? — спросил он. — Или... или насовсем?

— Если не прогонишь... — сказал машинист, и лицо его было серьезным.

Два самых близких взрослых человека смотрели на него и молчали. А мальчик не понимал, что такое происходит с ним: ему хотелось и плакать и смеяться... Он потянул за веревку оранжевый самосвал, тот споткнулся и снова захромал. Маленькое блестящее колесо откатилось в сторону и зарылось в поухлую траву.

— Ну вот, — огорченно сказал Сереза. — Опять отлетело!

Парамонов присел на корточки, взял игрушку, повертел в руках.

— Тащи инструмент, — улыбнулся он. — Мы живо эту штуку поставим на ноги!

КАК ДЕЛА, КУЛАЙХАН?

В. ТУЗОВ

— Кулайхан, вы, конечно, с детства любили шить и мечтали стать швеей?

— Ничего подобного, — слышу в ответ. — В школе мечтала быть артисткой...

Вот так раз! Стоило лететь в такую даль...

Но задание — есть задание.

И утром я поехал на фабрику, чтобы проинтервьюировать «неудачницу».

— Вы обижены на жизнь? — спросил я с участием.

— Я счастлива, — улыбается Кулайхан.

— Но ведь ваша мечта не сбылась, вы не стали артисткой?

— Сбылась. Я стала швеей...

— Ничего не понимаю. Может быть, начнем с самого начала?.. Не возражаете, Кулайхан, если я приеду к вам в лесхоз, на Каменское плато?

— Буду рада. Закон гор: мой дом — твой дом. Приезжайте!

На рассвете над Каменским плато первыми вспыхивают алым светом снежные вершины Заилийского Алатау.

Затем светлеют вершины могучих тьянь-шаньских елей, ожидают россыпи альпийских лугов. Медленно голубеет неподвижная гладь горных озер. В каньоне реки Алма-Атинки наступает утро.

Воздух наполняется многоголосьем птиц, а самая звонкая песня у жаворонка.

Маленькую Кулайхан односельчане тоже звали «жаворонком». Каждый день горной дорогой она ходила в школу и обратно.

— Кем будешь? — спраши-

вали старики, сидящие у порога своего дома.

— Артисткой, — смеялась девочка, прерывая песню.

— Артисткой — хорошо: радость людям, — согласно кивали мудрые старики.

Прощальный звонок, выпускной школьный вечер. Мелькнул за поворотом купол астрономической обсерватории на Каменском плато, позади селевая плотина Медео. В первый раз Кулайхан едет в город.

И вот Алма-Ата. Сады, скверы, бульвары и проспекты. Какой большой город, сколько дорог! Какую же выбрать?..

Почтамт, голубой конверт в окошке «до востребования»:

«Все хорошо, не беспокоюсь, — пишу из дома, — старшая сестра начала работать в совхозе, младший брат Жолдыбай и сестренки Кулейша и Кадиша помогают в лесхозе, только вот мама все так же... А у тебя как дела, Кулайхан?»

Но как было не беспокоиться: мама тяжело болела, летом по дому помогали младшие, а как же осенью — ведь им в школу. Правда, на фабрике сказали: «Общежитие дадим, работать научим», — и записали в трудовую книжку: ученица швей-мотористки.

— Подождите, Кулайхан. Как же так? Мечтали стать артисткой и вдруг... на фабрику?

— Совсем не вдруг, — отвечает девушка. — Посудите сами, у матери нас — шестеро, работал один отец. Нет, я не могла подвести своих. Даже моя первая небольшая полочка поддержала домашних. А мечта, думала я, подождет.

Ровно гудит цех. Так же, как шесть лет назад, когда Кулайхан впервые пришла на свое рабочее место. Плывут ячейки нескончаемого конвейера.

Смуглая девушка в голубом халате берет деталь рукава и кладет под иглу швейной машины.

Смотрю на секундную стрелку часов. Мелькают руки Кулайхан — прямая строчка, поворот, еще строчка, ни одной сборки, строчки идеальные... Время: 23 секунды на операцию.

— Это норма?

— Нет, это вдвое быстрее.

— Наш длинный транспортер, — рассказывает мастер-наставник Ольга Васильевна Бутенко, — мы называем «ленточкой»: целый поток необработанных воротников, полочек, рукавов, спинок... Кулайхан — а для нас просто Катя — в совершенстве освоила все 43 операции швейного процесса. Вот, взгляните, Катя только что обработала спинку пальто, а теперь втачивает воротник, видимо, кто-то из девушек замешкался, а конвейер не ждет... Помню ее сразу после школы, — улыбается Ольга Васильевна, — застенчивая, угловатая девочка. Поначалу ей было трудно: ни сноровки, ни быстроты, но зато — редкое трудолюбие: пока не научусь — не отступлю!.. Долго «не шли» рукава. Вошьет Катя — как будто хорошо, а ей не нравится. После смены оставались, вместе втачивали. А сейчас любимая операция получается у Кати легко и свободно. Это — мас-

терство! А мастерство — значит красота.

— Мечта моя сбылась, — говорит Кулайхан, вспоминая наш первый разговор. — В детстве я пела, потому что люди мне улыбались. Отсюда и мечты: стану актрисой. А сейчас пою в хоре, напеваю, когда шью красивые, модные пальто для девочек и мальчиков, для их мам и пап, дедушек и бабушек.

Иногда захожу в универмаг, стою у отдела готового платья, смотрю, как покупают нашу продукцию. Если девочка не хочет снимать пальто, которое недавно прошло через мои руки, я довольна больше, чем эта девочка и ее мама. Выходит, дело не в том, чем занят человек, а как он к делу относится.

...В приемной депутата, уходя от Кулайхан, услышал я отрывок разговора:

— ...и тогда в ауле сказали мне односельчане: поезжай в город, к нашей Кулайхан, поделись своей бедой, — рассказывал седобородый старик с суковатой палкой в руках. — Спасибо землячке, много мне помогла. Пока сам не увидел, не мог поверить: такая молодая, красивая девушка, такой большой, мудрый человек!

Много народу слушало рассказ, и все они, и молодые и старики, ждали совета и помощи от государственного человека, депутата Верховного Совета СССР, делегата XXV съезда партии коммунистки Кулайхан Шойбековой.

Рисунок О. Зуева

НАХОДКА

Ломали дом в соседнем тупике,
звучал топор и раздавались крики.
И тут-то на разрытом чердаке
парнишка шустрый обнаружил книги.
Там, где таилась плесневая слизь
и дедовские фетровые боты,
хранили человеческую мысль
старинные глухие переплеты.
Повеяло дыханием веков,
и скоропись, закрученная борзо,
гласила: «Шкиперъ Николай Стрелковъ
сей томъ привезъ с собой из Гельсингфорса».
Уставилось лихое оголье
в диковину неведомого века,
и объявлялось с титула ее:
«Вселенная — жилище человека».
И долго за поленницей в углу
глядели, лбы склонив, природоведы
на «Бой драконов» и на «Гриб-скалу»,
на «Столкновенье солнца и кометы».
Рождением и гибелью миров
звучало заповеданное слово.
Над рыжиной мальчишеских голов
вставало солнце шкипера Стрелкова...
Ломали дом в последнем тупике,
чтобы построить дом иного века,
и знали все мальчишки в городке:
«Вселенная — жилище человека».

Р. КРАСНОВСКИЙ

Рисунки Е. Галеркиной

Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция
 „МОЯ РОДИНА — СССР“,
 посвященная XXV съезду Коммунистической партии
 Советского Союза
 и 60-летию Великой Октябрьской социалистической
 революции,
 продолжается

Еще лучше узнать нашу многонациональную советскую Родину — родину Октября, ее историю, экономику, культуру, природу — наша задача. Наши знания, наш труд помогут увековечить бессмертный подвиг советского народа в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войн, в годы мирного труда, могут сохранить бесценные памятники истории и культуры, природу родных мест.

Наших открытий и находок ждут учебные кабинеты, школьные, государственные и народные музеи, научно-исследовательские институты. Новый этап экспедиции откроет еще одну страницу в славленной летописи дел Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и Ленинского комсомола.

Ни дня — без поиска!
 Ни дня — без труда на пользу Родине!
 В путь, ровесники и друзья!

*Из Обращения участников
 Всесоюзного слета лучших отрядов
 Всесоюзной экспедиции*

Коллективный рассказ пионерского отряда имени Зои Космодемьянской дружины им. А. М. Горького школы № 121 города Горького.

Однажды на отрядный сбор кто-то принес вырезку из старой газеты. Так три года назад мы узнали, что во время Великой Отечественной войны на средства, собранные школьниками нашего города, был построен танк. Назвали его «Горьковский пионер». Из ворот завода «Красное Сормово» танк ушел прямо на фронт.

На сборе решили начать поиск строителей танка, изучить его боевую биографию, судьбу экипажа. Захотелось найти и пионеров, которые когда-то собирали средства на боевую машину, как мы сейчас — на рельсы БАМа.

И все-таки они превозмогли боль, развернули башню и ударили по фашистскому долу.

Семь суток в машине, окруженный врагами, без продуктов и воды держался героический экипаж. На восьмые сутки танкистам пришли на помощь товарищи.

...Через адресный стол Тбилиси удалось разыскать водителя танка Чола Лория. Помогли нам в этом юные следопыты Грузии.

Большой путь прошел этот танк. Сражался подо Львовом и Белгородом, под Москвой и на Орловско-Курской дуге, на полях Калининской, Новгородской областей, на Украине.

В музее боевой и трудовой славы завода «Красное Сормово» ребята из звена «Поиск» узнали имена строителей танка, но многих из них уже нет в живых. В музее разыскали фотографию первого экипажа и подарили ее группе строите-

БАРАБАНА

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Оформление Г. Ковенчука

ПИОНЕРСКИЙ
 СБОР

Степанова Галля,
 12 лет

VII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ПИОНЕРОВ

ОЧЕРЕДНОЙ VII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ СНОВА СОБРАЛ В АРТЕКЕ ПИОНЕРОВ. И НЕ ТОЛЬКО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПИОНЕРСКИХ ДРУЖИН НАШЕЙ СТРАНЫ, А ПИОНЕРОВ ИЗ МНОГИХ СТРАН МИРА, ВАШИХ ЮНЫХ ДРУЗЕЙ.

Этот номер „Барабана“ готовился к печати задолго до Слета, но на его страницах поведут рассказ те, кто когда-то побывал в Артеке и увез домой „частичку“ Артека — жар пионерской дружбы.

В ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЕ ИМЕ- НИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МИШИ МАЛИЕВА ГОРОДА ЛЕНИН- ГРАДА:

Старшая пионервожатая Софья Гурджи:

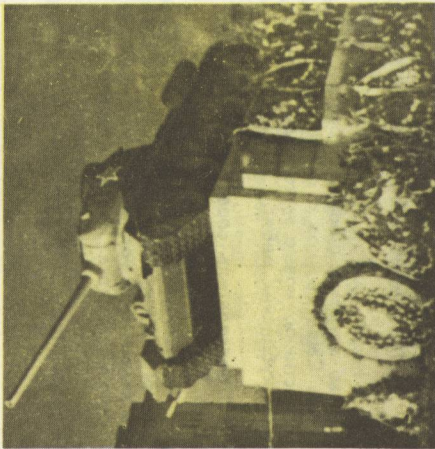
— Посреди зала вытянулись «ва- гоны» поезда дружбы с табличками «Куба», «ДР», «Вьетнам...». Двена- дцать «делегаций» приехали на сбор всей дружины «Что такое СИМЕА?» (СИМЕА — международный коми- тет детских и юношеских организа-

ций). За час на сцене побывало поч- ти сто пятьдесят пионеров, чтобы из национальных костюмах одной из социалистических стран спеть песню, показать народную игру, танец и, ко- нечно, рассказать о пионерской ор- ганизации страны... Этот интересный сбор, который всем понравился, под- готовил и провел наш совет дружи- ны во главе с Сашей Рыжковым, де- вятиклассником, отличником, кото- рого ребята нашей школы любят за скромность и чувство ответственно-

Продолжение на стр. 16

В фотоконкурсе „Барабана“ приняли участие ребята из фотостудии Орловского городского Дворца пионеров

ФОТОКОНКУРС

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ
Саша Измайлов

ФОТОВОДЕЦ
Саша Богданчиков

КРУТОЙ ВИРАЖ
Володя Чибисов

Первое долгожданное письмо мы получили из Запорожья от Германа Александровича Коркачева. Он уча- ствовал в торжественной передаче пионерского танка. При встрече Гер- ман Александрович рассказал нам, как наши сверстники — мальчишки и девочки — собирали металлолом, вязали теплые вещи, клеили конвер- ты, работали на полях, заготавливали дрова...

А как узнать о людях экипажа, о боевом пути танка? Разослали пись- ма в Ульяновск и Киев, Тбилиси и Новгород, Полтаву и Москву. Шло время, а ответов не было. Снова пи- сали и снова ждали.

Наконец пришло письмо из Улья- новска от бывшего командира танка. Он вспоминал в письме, как в зим- нюю стужу и в летнюю жару по до- рогам и бездорожью 264 раза ходил он в атаку и каждый раз выходил из боя победителем. Мужественно и смело сражался экипаж танка «Т-34».

Однажды при взятии высоты у де- ревни Белый Бор Новгородской об- ласти враги подбили и окружили танк «Горьковский пионер». За бор- том машины уже были слышны голо- са фашистов... Тяжело ранен пуле- метчик, падает командир танка...

Наша школа находится рядом с Медведским лесом. В годы войны фа- шисты почти полностью уничтожили все деревья. Выращенный руками на- ших дедушек и бабушек, пап и мам, наш лес очень дорог нам. Мы решили охранять его и создали школьное лесничество. Пионеры и комсомольцы взяли Медведский лес под охрану. Все делаем сами, как полагаются в на- стоящем лесничестве. Провели санитарную рубку. Весной высадили десять тысяч саженцев акаций и березы. Это наш лесопитомник.

На учебно-опытном участке набирают силу сеянцы ценных пород де- реьев.

Каждую осень собираем плоды и семена древесных пород, заготавливаем сосновые шишки. Зимой подкармливаем птиц, а для лесей рублим ветки.

Таня Лешукова, средняя школа № 18, город Орел

ИСТОРИЯ

одного
эпопеяма

...Новость, что Лена Колесникова нашла «Искру», быстро облетела всю школу. Подлинный номер ленинской газеты. Как он мог попасть к третьекласснице?

Объяснялось все просто. Летом Лена отдыхала у бабушки в Воронежской области. Все ей было интересно. Забралась и в бабушкин сарай. В старом сундуке нашла пожелтевшие бумаги. Из любопытства стала перебирать их и вдруг... «Искра!»

Название и вся газета написаны старинными буквами. Схватила Лена находку и — к бабушке.

— Неужели это та самая «Искра»,

о которой нам рассказывала учительница?

Бабушка подтвердила. Она сказала, что эту газету тайно читали квартиранты ее родителей. Газетный лист сохранился просто чудом. Ему больше 70 лет!

Лена бережно сложила и спрятала газету, а когда вернулась домой, отнесла ее в школу.

В школьном музее появился ценный экспонат.

*Лена Саранова,
школа № 13, город Волжский
Волгоградской области*

ЗАДАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА КРАСНЫМ СЛЕДОПЫТАМ

Рабочие, крестьяне, красноармейцы, молодежь, воспитанники Детских домов писали Владимиру Ильичу Ленину. Они рассказывали любимому вождю о том, как, несмотря на голод, холод, разруху, яростное сопротивление врагов Советской власти, они строят новую жизнь.

Опубликованы сотни писем и телеграмм в сборниках: «Товарищу Ленину. Письма трудящихся В. И. Ленину». (М., Политиздат, 1969) и «Сердцем и именем. Письма молодежи В. И. Ленину». (М., Молодая гвардия, 1969). Прочитайте внимательно эти сборники. Нет ли среди авторов писем ваших земляков? Попытайтесь выяснить историю писем, написанных ими.

На некоторые письма Ленин отвечал лично или давал задания работникам советских учреждений разобратся, помочь авторам писем. Эти ответы и распоряжения В. И. Ленина публикуются в этих сборниках.

В ходе поиска вы увидите, как выполнялись обязательства, данные вами шими земляками в письме к Владимиру Ильичу. Как сегодня выполняются заветы В. И. Ленина.

В каждой области есть заводы, фабрики, колхозы, совхозы, учреждения науки и культуры, населенные пункты, улицы, площади, которые носят имя Ленина. Есть предприятия, награжденные орденом Ленина.

Познакомьтесь с работой этих предприятий и учреждений. Узнайте, когда именно им присвоено имя Ленина.

ЖДЕМ СООБЩЕНИЙ ЮНКОРОВ О ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЙ

VII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ПИОНЕРОВ

сти, за умение организовать ребят на интересные дела. Школа наша «испанская» — коллективный член общества советско-кубинской дружбы, мы переписываемся с пионерами Школы имени 26 июля города Сантьяго де Куба, посылаем друзьям лучшие рисунки, экспонаты для их музея... Девиз нашего клуба «Амистад» — известные стихи Джанни Родари:

Север планеты пусть
встретится с Югом,
Запад с Востоком,
и дети — друг с другом!

В нашем музее есть также экспонаты, которые привез прошлым летом Саша Рыжков с Кубы — галстук, пластинки, новые материалы о жизни кубинских ребят.

Председатель совета дружины Саша Рыжков:

— Я люблю пионерскую работу. Многому меня научили в Артеке, где я был в 1972 году, сразу после Всесоюзного слета. Вот видите две фотографии. Это наше звено в Артеке летом после 5-го класса. Был я чле-

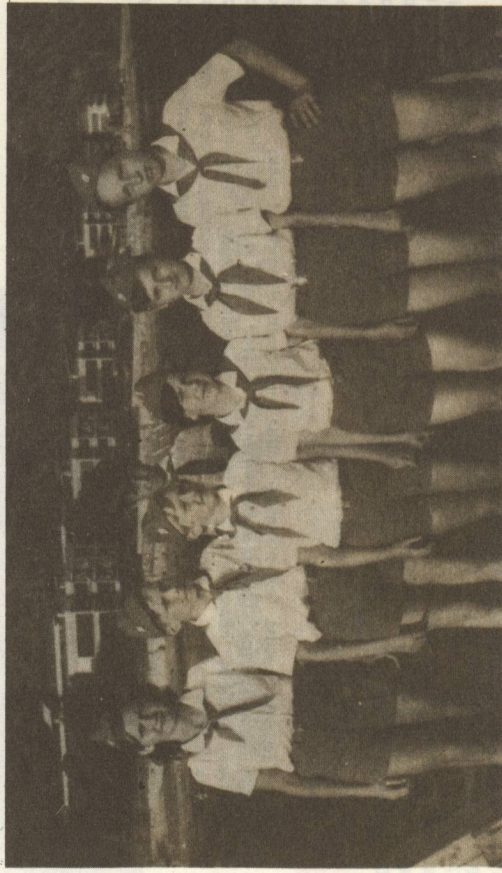
н стран. И прежде всего Кубы. В лагере было много кубинцев, с ними я говорил по-испански. На автобусах мы пересекли весь остров, побывали в разных городах. А сейчас о своей Гаване мне пишут мои новые друзья — два брата, которых в честь национальных героев назвали родителем Фидель и Рауль... А с ребятами из Польши и Болгарии я переписываюсь по-русски.

Председатель правофлангового отряда «Алые паруса» ученик 6 «а» Женя Камелин:

— Я тоже провожу сборы, как научился в Артеке. У нас в отряде ребята знают, если поднять вот так правую руку, значит, разрешается «тарарам», если левую — полное внимание...

Наш отряд дружный, мы любим походы. С Дмитрием Евгеньевичем Шеголевым, папой нашего пионера, мы ходили по местам боевой славы Ленинградской области — на Невский пятачок, Пулковские высоты, Ладогу...

В зимние каникулы агитбригада

Звено в полном сборе в Артеке

— Каштанова, почему частичка «не» пишется слитно со словом «большая»? Например: «Небольшая пташка»?

— Потому что большой пташки не бывает!

Ира Ляшенко,
Талды-Курган

На уроке Вася П. спросил:
— Василий Семенович, как вас зовут?

— Меня зовут Василий Семенович, Таня Никулина, Кокчетавская обл., с/з Толбукхинский

МЕНЯ ЗОВУТ
ВАСИЛИЙ
СЕМЕНОВИЧ

Папа, собаки нужны охотнику, чтобы на него зайцы не напали!

— Папа, а у нас в углу живут мышкины птенчики!

Лена Егоров,
Гурьевск

Мама читает девочке рассказ Чехова «Ванька Жуков».

— Леночка, как ты думаешь, придет письмо дедушке?

— Нет. Он ведь индекс не написал!

Марина Володина,
Пенза

«Я — ПЕТУХ...»

Одного мальчика вызвали к доске. Учительница сказала:

— Проклонный слово «петух»!

— Я — петух. Ты — петух. Она — курица...

Ира Гладких,
Саратов

Ира
детский сад

Саша Рыжков у знамени дружины «Хрустальная» в Артеке

ном совета отряда и в лагерьном музее экскурсоводом в интернациональном зале «СИМЕА». Нас сфотографировали у знамени нашей дружины «Хрустальная».

...Как только мы приехали в Артек, нам сразу задали вопрос: «КТО — НИКТО?», то есть кто у себя в школе не имеет никакого поручения. Таких не нашлось, и у нас открылась замечательная школа пионерского актива. Именно в ней я научился проводить сборы. Частичку Артека побывал. Нина Меньшикова, которая кончила нашу школу в прошлом году, в Артеке получила удостоверение «барабанчик дружины» и, конечно, подготовила у нас барабанщиков...

Об Артеке мне посчастливилось рассказывать не только в нашей школе, но и на Кубе, куда я ездил в международный лагерь «Варадеро». Там проводились дни тех стран, откуда приехали ребята, — СССР, США, ГДР, БОЛГАРИИ и т. д. Из Советского Союза нас было 14 пионеров, я рассказал об Артеке, и мне очень пригостило, что я был экскурсоводом, я рассказал даже, как будет Артек дальше, где будет построен новый лагерь «Скальный»... Сам же я узнал много интересного о пионерских организациях других

отряда выступала в селе Карташевка. В своем Театре теней в прошлом году мы показывали «Гени древних египтян», в этом — «Адвокат Патлен» и «Школяр в раю», старофранцузский фарс.

В Артеке я был в юбилейную смену 1975 года. Дел интересных там было очень много, но особенно мне понравились праздники, например, спартакиада. Сначала была спортивная часть, а после юмористическая, если можно так выразиться. Я очень хочу провести ее в нашем отряде.

Потом мне очень понравилась — но я не знаю еще, как устроить в школе нужную площадку — традиционная артековская игра «Снайпер». Вы не слышали о ней? Смысл ее в том, что капитан каждой команды, находясь за чертой поля противника, должен выбить волейбольным мячом игроков. Эта игра очень развивает ловкость...

В Артеке я пел дуэтом с Игорем Куликовым, он живет в Саратовской области. Он написал мне, что сразу после Артека устроил в своем отряде соревнования, чтобы выявить у каждого талант, — каждый пионер подготовил то, что любит, — стихи, песню, а победителям были пригостены призы.

Записала И. ЕРШОВА

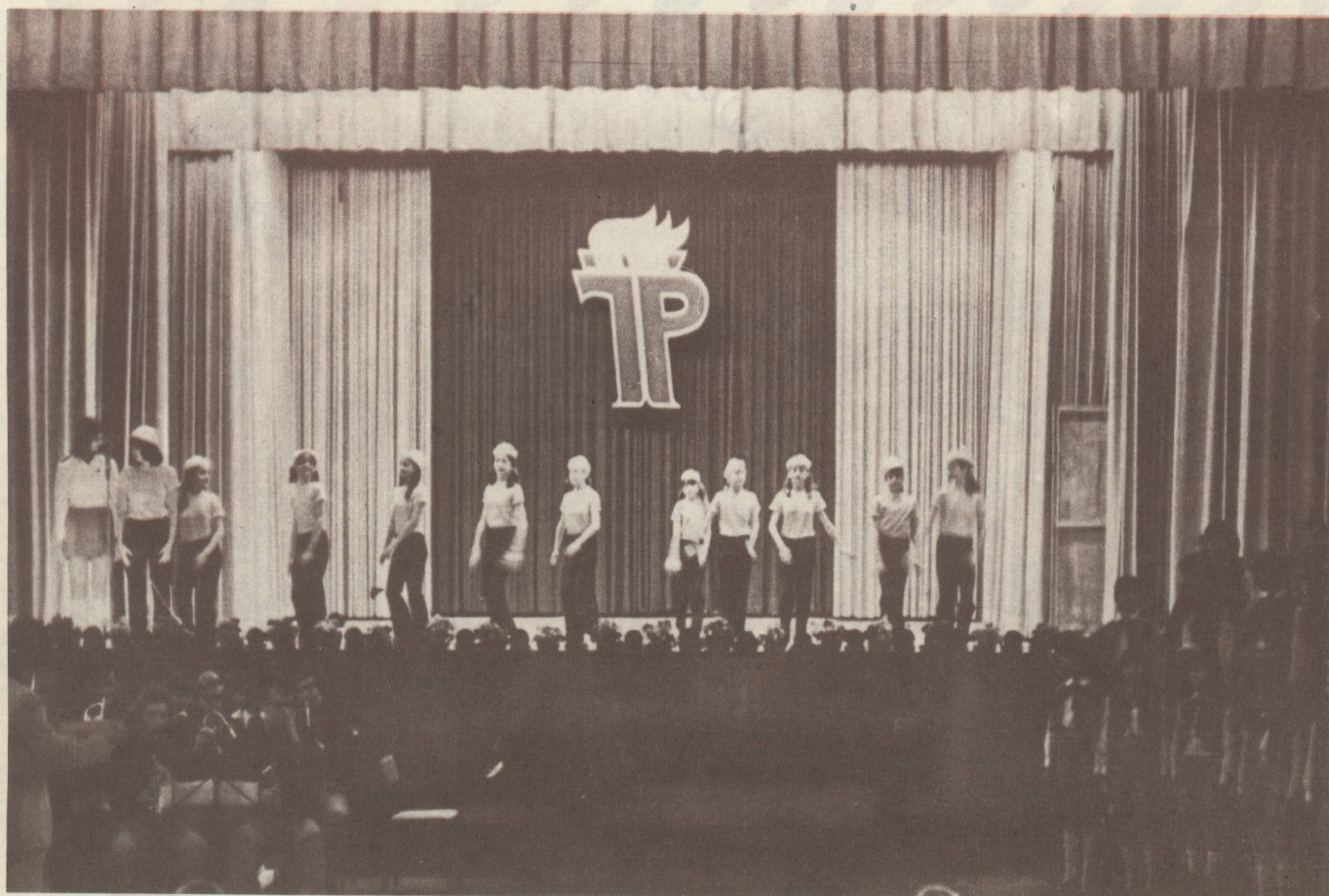

САЛЮТ, ДРЕЗДЕНЦЫ!

«Мин нет. Проверил Ханутин» — эта надпись, аршинными буквами наспех сделанная в начале мая 1945 года на массивных серых колоннах знаменитого Цвингера, разбитого королевского дворца-музея, стала достопримечательностью Дрездена. В городе-побратиме Ленинграда никогда не сотрется память о войне...

На площади Единства, на цоколе майсенского гранита,

● Дворец пионеров имени В. Ульябрихта

на котором высится фигура советского солдата со знаменем свободы, бойцы Пятой танковой бригады выбили прощальные слова товарищам, не дожившим до победы: «Вечная слава воинам Красной Армии, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость Советской Родины. 1941—1945».

Передавая властям города реставрированный дворец принца Альбрехта, советские люди выразили надежду, что это прекрасное здание с огромным парком и террасой, спускающейся к Эльбе, будет отдано детям. В августе 1951 года здесь открылся дрезденский Дворец пионеров имени Вальтера Ульбрихта, самый большой и красивый Дворец пионеров в Германской Демократической Республике.

Дворцу исполнилось двадцать пять лет. Давайте вместе побываем на празднике, посвященном юбилею.

Праздник всюду! Каждый кружок Дворца показал самое лучшее, битком был набит театр, где шла поставленная ребятами пьеса С. Маршака. Юные художники украсили комнаты Дворца рисунками, юные техники — моделями. Вечером в парке собрались тысячи пионеров на праздничный костер. Пламя освещало тесно усевшихся ребят в галстуках, у многих в руках были трубочки дипломов, коробочки, книги — награда в сегодняшних соревнованиях.

«Гвоздем» праздника оказался невероятный сюрприз: в разгар веселья факелом вспыхнул Дворец. Юные пожарники с помощью настоящих пожарных потушили грандиозный факел. Как вы понимаете, пожар был инсценировкой, поводом для юных пожарников показать свое искусство. Перемазанные, мокрые, в настоящих касках ребята стали героями дня!

Почти десять тысяч маленьких дрезденцев приходят в свой Дворец не только в кружки, в библиотеку, в театр, привозят своих родных в настоящее «пионерское кафе», первое в ГДР. А в городском парке в дни праздника все триста двадцать пионеров-тельманцев, работающих на пионерской железной дороге, первой в ГДР, просто с ног сбились, встречая пассажиров. Все они хотели побывать на станциях с такими привлекательными названиями — «Дружба», «Единство», «Счастливое будущее».

Гостями праздника были ученые, рабочие, учителя, художники. И, конечно, мамы и папы!

...Плывут по Эльбе теплоходы, украшенные флагами. Всюду в городе цветы и плакаты, на улицах ребята в парадной пионерской форме.

Салют, дрезденские пионеры!

И. ЛОМАКИНА

● В кружках Дворца пионеров

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ

ПОВЕСТЬ

Юрий КОВАЛЬ
Рисунки В. Топкова

ОПЕРАЦИЯ

День между тем клонился к вечеру, такой же ясный, весенний день, какой был и вчера. Из кармановских садов и налйсадников пахло черемухой.

Рынок опустел. Пбследние самые стойкие продавцы покидали его. На площади, по углам которой стояли железные домики, не было ни души. Капитанский мостик печально торчал

Продолжение. См. «Костер» №№ 6, 7, 1976 г.

посредине и наводил на грустные размышления, потому что мостик без капитана — это все равно что скворечня без скворца.

Мы лежали в лопухах неподалеку от той самой подворотни, куда втаскивала нас рука старшины Тараканова, разглядывали трибуну и тир «Волшебный стрелок». Редкозубый заборчик отделял нас от площади. Рядом, под кустом смородины, лежал Василий Куролесов. У него была сложная задача: с одной стороны, он наблюдал за тиром, с другой, присматривал за нами. Капитан Болдырев хотел было отпустить нас, но старшина не согласился.

— Надо еще проверить, — сказал он, — может, они соврали про монахов. Надо доверять, но проверять.

— Дядя Вася, — сказал потихоньку Длинный, — а кто они такие, монахи-то эти?

— Бандиты. Из банды «Черные монахи». Они недавно алмазы украли.

— Сколько же они украли?

— Мешок.

Куролесов достал из кармана часы-луковицу, щелкнул крышкой, и в лопухах раздалась мелодия:

*«Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...»*

Мы переглянулись. Я сразу вспомнил последний выстрел по-кармановски.

— Поняли теперь? — улыбнулся Вася.

— Еще бы, — ответил я.

— Что это с ним? — спросил Вася.

— А что? — не понял Длинный.

— Талдычит одно и то же: еще бы да еще бы. Слова человеческого сказать не может.

— Разве? — сказал Длинный. — Я не заме-

чал. Он вообще-то разговаривает. Это он так, стесняется. Верно, Юрка?

— Еще бы, — буркнул я. Не слишком-то нравилось мне, когда про меня много болтали. Вася приложил палец к губам и прислушался. Где-то неподалеку заблеяла коза.

— Тсссс... Операция началась.

Мы прикинули к щелям между штакетин, но начала операции пока не увидели. У гира никого не было, и я подумал, что, наверно, в том и смысл операции, что на площади ни души.

Вдруг из ворот рынка вышли три человека.

Двое были в черных костюмах и белых рубашках с ослепительными воротничками. Третий, в сером, шагал чуть впереди. Это был капитан Болдырев.

Мягкой, пружинистой, но в то же время смелой и решительной походкой они направились к тире «Волшебный стрелок».

Капитан взбежал на крыльцо и решительно стукнул в дверь.

Дверь приоткрылась.

Капитан сунул руку в щель, и вдруг, как репу, выдернул на улицу Кожаного. Трещина паль-

то, Кожаный полетел по ступенькам прямо в лапы черному костюму. Тот стремительно прохлопал карманы и перебросил напарнику, который ласково обнял Кожаного и кинул на середину площади. Расставив крылья, Кожаный, как планер, пролетел над лужей, приземлился у капитанского мостика, и тут же из-под него высунулась огромная рука, схватила Кожаного за шиворот и втащила под мостик.

Капитан сдул с рукава пылинку.

— Фууу, — вздохнул Вася и вытер пот со лба.

Капитан вошел в тир. Следом — оба в черном. Дверь закрылась, и на ней неведомо откуда появилась табличка:

«УЕХАЛ НА БАЗУ»

Прошла минута.

«Волшебный стрелок» спокойно стоял на месте. По его внешнему виду никак нельзя было догадаться, что внутри происходят какие-то события.

Прошла еще минута. И вдруг — тир вздрогнул. Так всем телом вздрагивает корова, которую укусил слепень.

Вздрогнув, тир на секунду затих, но тут же начал мелко трястись, как будто бы точно под ним началось землетрясение. С железных крыш и стен посыпалась ржавчина. Одна стена внезапно стала надуваться, распухать наподобие флюса, крыша вытянулась кверху, по ней побежали железные пузыри. Вдруг крыша опала, стены втянулись внутрь и, пришибленный, тир похудел на глазах и потихоньку-полегоньку пополз в сторону. Отполз на несколько шагов, но тут прыгнул назад на старое место. Дверь со стоном отворилась.

*«Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...»* —

послышалось издали, и под звуки «Пастушка» на крыльцо вышел черный костюм. В руке он держал синий наган.

— Выходи по одному! — приказал он.

В двери появился Мونها-бородач. Глянул на заходящее солнце, опустил голову. На свету ничего грозного не оказалось в нем, и, кроме бороды, в лице не было видно ничего замечательного, разве только щеки, широкие, как дверцы шкафа. Такое лицо хотелось назвать «небритою будкой».

За Моней вышел Сопеля, а за ним снова черный костюм. У этого в руке был наган, крупный, как птица грач.

Гуськом, запинаясь за порог, вышли на свет Барабан, Цыпочка и Жернов. Замыкал шествие капитан Болдырев. Его неожиданный серый костюм радовал глаз. Так уж получилось, что все, кроме капитана, были одеты в черное. Но тусклы и заляпаны сальными пятнами были их плащи и шляпы, а хорошо сшитые костюмы милиции были отличного глубокого бархатного цвета. Кажется, костюмы эти были сшиты из трико «Метро».

Процессия, в которой было что-то похоронное, потянулась через площадь. Опустив глаза,

заложив руки за спину, шагали «монахи». Только Мونها еще поглядывал по сторонам.

И в этот момент появилась лошадь.

ОШИБКА СТАРШИНЫ ТАРАКАНОВА

Впрочем, появляться она начала давно.

Как только Мونها вышел на крыльцо, из ворот рынка высунулась лошадиная морда, а когда в двери возник капитан Болдырев, стал виден и лошадиный хвост, а за ним — телега, на которой стояли пять молочных бидонов. Шестым на телеге был возчик-молоковоз, схожий с бидоном, в кепке и телогрейке. По лицу его было видно, что он времени даром на рынке не терял. Пока молоко из бидонов переливалось в кувшины покупателей, сам он наливал-ся квасом.

Еле приоткрыв глаза, он лениво подергивал вожжи и чмокал губами. Лошадь на чмоканье не обращала особого внимания и неторопливо двигалась к «Волшебному стрелку». А навстречу — процессия, возглавляемая человеком в черном.

Заприметив процессию, лошадь остановилась. С глубоким подозрением оглядывала она приближающихся людей. Лошадь, очевидно, была умна.

— Чмок, чмок, — сказал молоковоз. Он и не пытался полностью раскрыть глаза и оглядеть препятствие на пути.

— Давай, давай, проезжай скорее, — слышался строгий голос.

— Чего еще? Куда? Тебя не спросил! — грубо ответил молоковоз, открыл глаза пошире, надеясь похамить, и тут увидел человека с наганом в руке. Это зрелище настолько потрясло возчика, что лицо его немедленно окрасилось в тона простокваши.

— Проезжай, — повторил человек в черном, наганом указывая направление пути.

Но молоковоз никак не мог сообразить, что же это такое, как же так — наганом ему указывают. В голове его для нагана не осталось места, все было занято квасом.

Зато у Мони в голове места было достаточно.

— Сопеля! За мной! — крикнул он, прыгнул в телегу и вырвал вожжи из рук молоковоза.

Сопеля кинулся за ним, сшибая бидоны.

Двое в черном разом вскинули наганы и нажали курки.

Гром выстрелов должен был немедленно потрясти площадь, но капитан крикнул:

— Не стрелять!

Тотчас пули, которые уж вылетели было из раскаленных стволов, юркнули обратно и затаились в гильзах. Наганы нервно икнули, как братья-близнецы.

— Нооо!!! Холерааа!!! — рывкнул Мونها и так дернул вожжи, что лошадь прыгнула, ма-

хом влетела в лужу, подняв из-под колес волну, которая и скрыла от нас происходящее. Когда же волна рухнула обратно, лошадь была у ярмарочной трибуны. Так уж получилось, что трибуну никто сегодня не мог обойти. Но ведь и стояла она очень удачно, место для нее выбрали с тонким расчетом.

Как только телега сравнялась с нею — из-под трибуны вылетели сразу две руки. Одна схватила Сопелю, а вторая должна была схватить, конечно, Моню. Должна была, но не схватила. Вместо Мони схватила она одеревенелого молоковоза и вслед за Сопелей втащила под трибуну.

— Но! Холера! — рявкнул Моня-бородач.

Прыгая, как заяц-великан, лошадь неожиданно быстро ускочила в переулок.

— Доставить задержанных, — негромко приказал капитан и перепрыгнул лужу. Тут же из-под трибуны вылетела грозная рука и лихо взяла «под козырек».

— Лошадь надо было остановить, — недовольно сказал капитан.

Рука покраснела от стыда и спряталась, а вместо нее из-под трибуны сам собою выкатился мотоцикл.

Капитан сел в коляску.

А за рулем никого не было, и я уж подумал, что в этот день, полный неожиданностей, мотоцикл без водителя рванет за Монею. Но тут на площади появился новый человек. В три прыжка подлетел он к капитану, шепнул ему что-то на ухо, и тот махнул рукой. Человек обернулся в нашу сторону. Это был Вася Куролесов.

— Эгей! Голубятники! — крикнул он. — Вайте домой!

Он прыгнул в седло — и мотоцикл ринулся в погоню.

ВЗГЛЯД С КАПИТАНСКОГО МОСТИКА

Внезапный отъезд Куролесова произвел на нас сильное впечатление.

— Как же так? — шептал Длинный. — Только что лежал в смородине и вдруг...

Длинный напряженно глядел под смородинный куст, под которым даже трава не была примята. У травы был такой вид, будто по ней никогда не ступала нога человека. Кармановская милиция умела, оказывается, не оставлять следов.

Тем временем из переулка на площадь въехал крытый автофургон с маленькими окнами, закрытыми решеткой. На стене фургона была нарисована сигарета толщиной с коровью ногу, а над нею надпись:

«КУРИТЬ В ПОСТЕЛИ ОПАСНО».

Задняя дверь фургона открылась, из нее выпрыгнули два милиционера. Барабан, Цыпочка и Жернов, толкаясь плечами, забрались в фургон, из-под трибуны вышли Сопеля и Ко-

жаний. Они, кажется, не собирались устраивать побег и неторопливо поднялись по стальной лесенке в кузов. Зато возчик-молоковоз устроил бунт. Он никак не хотел садиться в машину, брыкался, цеплялся ногами за трибуну.

— За что? — кричал он изворачиваясь. — Меня-то за что? Я ведь ничего такого не сделал. Пусти! Мне надо бидоны сдавать!

— Проходи, проходи, — торопил Тараканов, подсаживая возчика в автомобиль. — Там разберемся.

— Где это там? Ведь я же ничего такого не сделал! Мне надо за тару отчитываться!

С трудом удалось водворить его в машину. Старшина запер дверь на железный засов и, оббегая кармановскую лужу, фургон двинулся к милиции. Возчик сразу же прилип изнутри к решетчатому окну. Большими неожиданно глазами глядел он на мир.

— Мне надо бидоны сдавать! — кричал он.

— Чего раскричался, — сказал Длинный, поднимаясь наконец из лопухов. — Отпустят его. Нас отпустили — и его отпустят. Какой нервный, только попал в милицию — сразу орет. Съедят его там, что ли? Нет, в милиции тоже надо держаться с достоинством. Верно ведь?

— Еще бы, — ответил я.

— То-то, — сказал Длинный с некоторой гордостью, считая, что уж сам-то он держался с достоинством.

— Ты вообще тоже неплохо держался, — снисходительно добавил он и похлопал меня по спине.

В милиции я, может, и правда держался как надо, но сейчас чувствовал беспокойство. Моня-то сбежал. Из Карманова, на мой взгляд, надо было скорее уезжать. Хоть и не были мы подсланы, но ведь это мы сказали капитану, кто играет в лото. Я-то особо не болтал, кроме «еще бы», слова не сказал, но и в этом «еще бы» был некоторый смысл. Капитан спросил: «И ты видел монахов?» — «Еще бы», — ответил я.

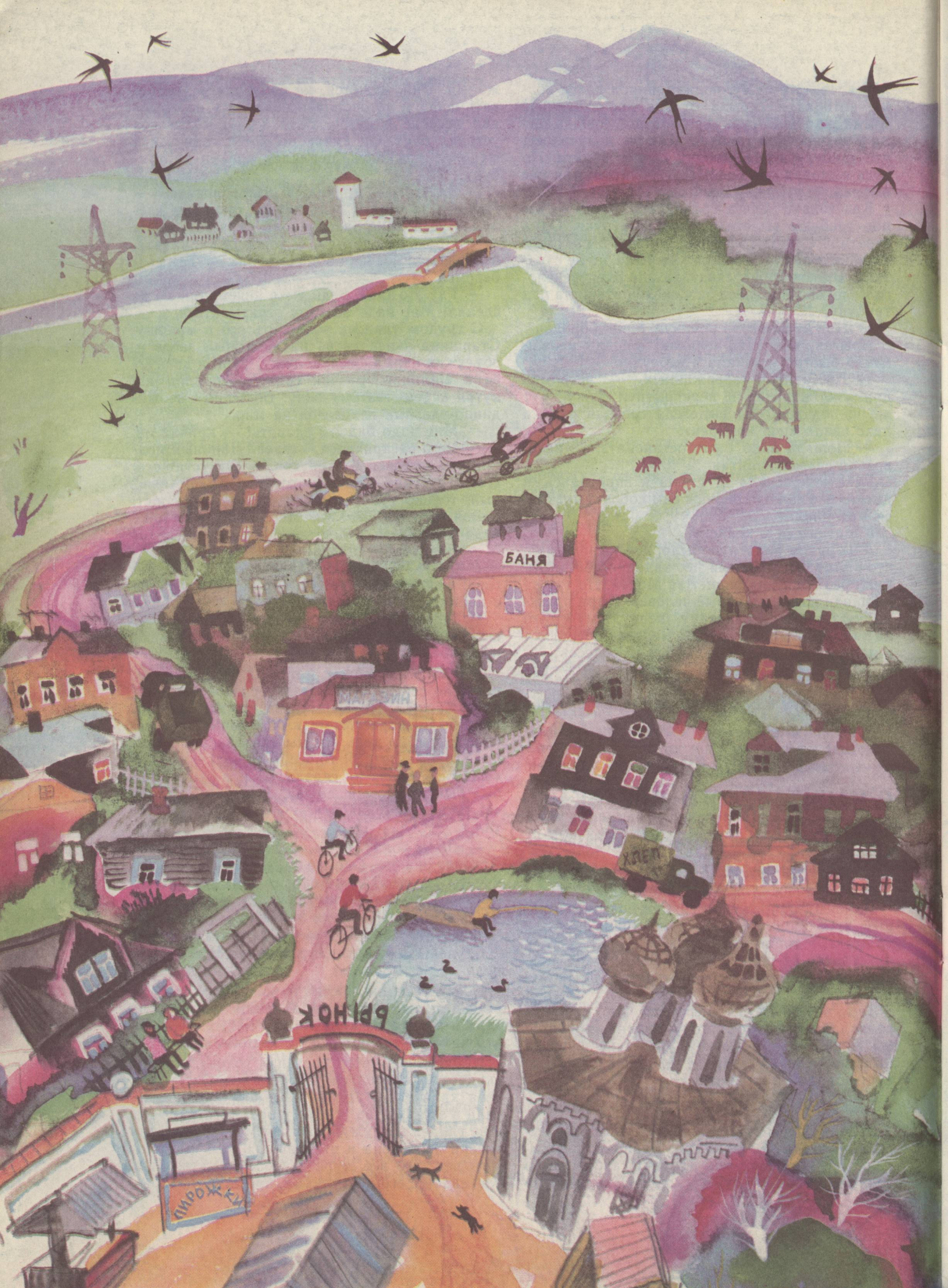
— Да не волнуйся ты, — сказал Длинный. — Догонят они его. Они же на мотоцикле. Сейчас поедем домой. Только слазим на капитанский мостик. А то чепуха получается — были в Карманове, а на мостик не залезли.

И мы полезли наверх.

Ступеньки заскрипели у нас под ногами, запыли на разные лады.

Снизу, с земли, мостик не казался таким уж высоким, но когда мы забрались на самый верх и встали на капитанское место, я понял, что никогда так высоко не поднимался.

Прохладный ветер прояснял голову, мостик скрипел, покачивался, и я сразу почувствовал себя капитаном. Лужа, лежащая внизу, вносила в это чувство особую морскую струю. Но я не глядел на лужу, слишком мелка, незначительна была она и становилась все меньше, меньше, зато все шире разворачивался город Карманов с его переулками, красными и серы-

ми крышами, рынком, вокзалом, башнями бывшего монастыря.

А ведь Карманов был, оказывается, красивый город. Во всех садах его цвела черемуха, по кривым переулкам ездили дети на велосипедах, на лавочках у ворот и калиток сидели старушки, лаяли собаки, серые козы бродили на пустырях. В лучах заходящего солнца Карманов казался тихим спокойным городом, в котором хотелось жить.

Ветер задул сильнее, и капитанский мостик поплыл, качаясь по волнам, над городом Кармановом, который стал отчего-то уменьшаться, но все шире открывался горизонт. Я увидел за городом озимые поля, речку Кармашку с вековыми ивами, склонившимися над водой, синие далекие леса, а сразу за лесами близко, совсем близко, казалось, Москва, будто из-под земли выросла Останкинская телебашня и высотное здание у Красных ворот.

Оказывается, с кармановского капитанского мостика видно было очень далеко, и чем дальше стоял на нем человек, тем дальше, тем шире видел он. Скоро увидели мы не только Москву, а совсем уж далекие южные степи и горы, которые синели над ними. Ясно была видна двуглавая снежная вершина — Эльбрус.

— Смотри-ка, смотри! — закричал вдруг Длинный и больно схватил меня за локоть. — Сюда смотри, ближе, ближе.

Я перевел взгляд с Эльбруса на черноземные степи, миновал Москву, а Длинный тянул меня еще ближе. Я вплотную приблизился к городу Карманову и вдруг ясно увидел внизу, под нами, сразу за городом, зеленое озимое поле, которое точно посередине разрезала проселочная дорога.

По дороге мчалась лошадь, запряженная в телегу, а за нею с коляской мотоцикл.

ПОГОНЯ

Мотоцикл ревел.

Отсюда, с мостика, слышен был этот рев, перекрывающий мирные кармановские звуки.

— Наддай! Наддай! — кричал из коляски капитан.

Вася надавал. Выкручивал рукоятку газа, изо всех сил прижимался к баку с бензином.

— Вот-вот! — волновался Длинный. — Сейчас накроют.

Но накрыть Моню Вася и капитан никак не могли, хоть и мчались изо всех сил. В этом было что-то загадочное, ведь телега с Моней на борту была недалеко, от силы метров тридцать.

— Да что такое? — горячился Длинный переживая. — Что он, заколдованный, что ли?

Но Моня, конечно, не был заколдован. Заколдована была дорога. Много лет подряд колдовали над нею бульдозеры и коровьи стада. Они-то заколдовали столько колдобин, что превратили дорогу во что-то, не похожее ни на что. Только сбоку, в профиль, имела она

сходство с гребнем гребчатого тритона. Но если гребчатый тритон сам живет в воде, то здесь вода находилась в колдобинах, куда ранней весной и приползали нереститься гребчатые тритоны из кармановского пруда. В иных колдобинах водились и караси.

Мотоцикл, вгрызаясь в дорогу, порой скрывался из глаз, а вместо него бил фонтан, будто на этом месте открылась нефтяная скважина.

Лошадь была умней мотоцикла, даже и милицейского. Она знала колдобины наизусть, чувствовала, куда надо шагнуть. Впрочем, телега иногда подскакивала на всех четырех колесах, а то и плавала, подобно барже.

— Поберегись! — крикнул Моня и метнул бидон. С реактивным свистом бидон пролетел над головой капитана.

— Наддай же! Наддай! — просил капитан, Вася и так работал на предельных оборотах.

Надо было что-то придумать, и капитан рискнул. На полном ходу отвинтил он коляску, прыгнул на заднее седло.

Мотоцикл сразу рванулся вперед. Расстояние между ним и телегой медленно сокращалось.

— Давай! — орал с трибуны Длинный.

— Береги бензобак! — крикнул Моня и снова метнул бидон, за ним — другой.

Когда все бидоны вылетели за борт, расстояние между лошадью и мотоциклом снова стало увеличиваться.

Увидев такое дело, Моня развеселился. Он оглядывался, улыбаясь, показывая фигу, приветственно подымал шляпу и прощально ею махал. Борода его развевалась на ветру, как пиратский флаг.

Капитан достал пистолет.

Левой рукой он крепче обнял Васю Куролесова, а правой стал целиться. Но мотоцикл так кидало в стороны, что выстрел грозил самоубийством.

На полном скаку мотоцикл ворвался в особенно коварную колдобину, и капитан Болдырев вылетел из седла.

Он висел в воздухе, держась рукой за Васину шею, а мотоцикл по-прежнему мчался вперед. Волей-неволей капитан вынимал Васю из седла.

Дело могло плохо кончиться. Оба они могли сию же секунду оказаться в грязи, а это грозило плохими последствиями.

Надо было немедленно что-то решать, и капитан принял решение. Он отпустил руку. Вася остался в седле, а сам капитан пролетел над дорогой и, чувствуя, что падает в грязь, проделал в воздухе двойное сальто. Он приземлился на обочине, вполне устояв на ногах. На сером его костюме не было и пятнышка.

Мотоцикл рванулся вперед, догоняя телегу, а капитан поднял пистолет.

Грянул выстрел. Пуля ударила в колесо, вышибла в нем особо важную спицу — колесо отвалилось. Моня выпал из телеги в лужу и камнем пошел на дно.

Коричневый пузырь вырос посреди лужи, медленно лопнул, а когда Вася подъехал, водная гладь уже успокоилась. На поверхности не было даже и кругов.

Вася заглушил мотор, слез с мотоцикла, изогнувшись, заглянул на дно лужи.

— Утоп! — крикнул он, беспомощно оглядываясь на капитана.

Вдруг впереди и дальше по дороге, метров за двадцать от Васи из другой лужи показалась черная мокрая борода. Мона выскочил из воды, встряхнулся так, что вокруг него на миг явилась радуга, и побежал через озимое поле.

— Стой! — крикнул Вася и побежал следом.

С кармановской трибуны хорошо были видны маленькие фигурки, которые двигались к темнеющему вечернему лесу. Вот на поле осталась одна фигурка, вот и она скрылась под березами.

Капитан Болдырев подошел к лошади, ласково похлопал ее. Потом насадил на ось отвалившееся колесо, развернул телегу и поехал назад, к городу Карманову, подбирая по дороге пустые бидоны, коляску, мотоцикл.

Но мы уже не видели этого. Мы сами давно уж ехали на электричке домой. В Москву. В Зонтичный переулоч.

СНЫ ПОХИТИТЕЛЯ

Приключения в городе Карманове так захватили нас, что мы совсем забыли о голубях, о тех белокрылых в черных капюшончиках, которые в этот субботний вечер по-прежнему сидели в квартире Похитителя.

Монахи истомились. Похититель ушел куда-то на весь день, не оставил даже блюда с водой. Монахи дремали в садке, прижавшись друг к другу.

К вечеру вернулся Похититель. Из садка слышно было, как он кряхтел и громко топал. Он тащил четвертый телевизор — «Темп». Похититель был не в духе, потому что этот «Темп» дался ему с трудом. Три с половиной часа пришлось Похитителю лежать под кроватью, ожидая, когда уйдут из дома хозяева, а потом еще лезть по пожарной лестнице на двенадцатый этаж с телевизором на плечах. К тому же он забыл оставить на месте преступления милицмейскую пуговицу.

Пнув ногой садок с голубями, Похититель плюхнулся «Темп» на диван и стал раскидывать комнатные антенны. Наладил дело, включил сразу все телевизоры, и тут же переторкали пробки. Чертыхаясь, Похититель взгромоздил

ся на табурет, починил пробки и снова включил телевизоры. С полчаса смотрел он сразу четыре передачи: «Сплав науки и производства», «Хочу все знать», «С песней вдоль околицы» и «Немецкий для химиков».

В голове его за полчаса образовалась такая каша, что Похититель плюнул, выключил телевизоры и достал «Краткую опись своих преступных деяний». Сегодня он не чувствовал особого вдохновения и записал коротко:

«Спер «Темп». Влажность воздуха... а черт ее знает, какая сегодня влажность, я не мерил. Но, в общем, влажно. Пока лез на крышу, совсем сопел. А телевизор — барахло, прыгает все время и какие-то веревки на экране».

Захлопнув книгу, Похититель подошел к зеркалу.

— Ну что, — сказал он своему отображению. — Опять психуешь?

— Как не психовать-то. Веревки на экране.

— А с монахами что будешь делать?

— Завтра повезу в Карманов. Встану пораньше, часиков в шесть.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказал Похититель своему собеседнику, лег спать и мгновенно уснул.

Приснились ему ромашки. Ромашки, колеблемые ветром, и маленький мальчик — это был он сам, Похититель, — бегающий посреди ромашек.

Покой и прохлада царили в заснувшем мозгу Похитителя. Казалось бы, и тело его должно было заснуть, но получалось иначе. Мозг спал, а тело нет. Мозг видел ромашки, а сам Похи-

титель дергался, скрежетал зубами, руки выскакивали из-под подушек, били локтями в стену и переключали телевизоры.

А во сне было все в порядке, к ромашкам ничего не прибавилось, кроме десятка васильков.

Как приятно, как весело было маленькому будущему Похитителю бегать среди ромашек, срывать их, нюхать, считать лепестки. Похититель смеялся, а ромашки взмахнули крыльями и улетели, превратившись в голубей. Вот голуби опустили обратно на лужок и превратились в телевизоры. Засияли на зеленом лугу голубые экраны. Похититель прыгал вокруг них и баловался, переключая программы. Вдруг все экраны разом запрыгали, на них появились какие-то веревки, и Похититель проснулся.

За окном на улице было темно и тихо. Изредка доносилось шуршание автомобильных шин. Вдруг под окном Похитителя кто-то закричал:

— Держите его! Держите! Держите, товарищ милиционер!

Похититель вздрогнул, встал с кровати, подошел к окну. На улице под окном никого не было. Почему-то захотелось пить. Он побрел на кухню, достал из холодильника бутылку молока и, утоляя жажду, невольно подумал, не переключиться ли на холодильник.

— Ведите его, ведите! — снова послышался голос с улицы. — Ведите, товарищ милиционер.

Похититель снова глянул в окно, но опять никого не увидел.

«Кого-то взяли», — подумал Похититель и снова лег в кровать.

Второй сон его начался ровно и гладко. Начался он с того, что Похититель просто вышел из дому. Только прошел десяток шагов, глядь — на углу милиционер. Стоит спокойно, смотрит в сторону, но это как раз Похитителю

и не понравилось. На всякий случай он нырнул в подворотню и сразу увидел милиционера. Тот качался на качелях и показывал издали блестящую пуговицу. Это был уже намек.

Сердце Похитителя забилось, он выскочил на Крестьянскую заставу и дунул по шоссе. Мигом догнала его машина, в которой сидели пять милиционеров. От ужаса Похититель не то что прыгнул, а просто сиганул в сторону и оказался в лесу. Здесь было тихо и спокойно, но это только так казалось. На самом деле лес был набит милицией до отказа. Милиционеры глядели из-под каждого куста, стояли под каждой осиною, как подосиновики.

Похититель почувствовал, что попался. Выход был один — взлететь. И Похититель попробовал, взмахнул руками и полетел. Огромнейшее облегчение почувствовал он, свежий воздух омыл его измученное лицо, ворвался в грудь, вселяя надежды. «Не оглядывайся, не оглядывайся», — твердил себе Похититель. Но оглянулся.

О ужас! В сером пасмурном небе летели за ним милиционеры, и один из них каким-то странным образом даже летел на мотоцикле.

— Проснись! Проснись! — закричал сам себе Похититель и не мог проснуться.

Да и никто в Москве в этот поздний час не мог уже проснуться. Спал Длинный, спал жилец Николай Эхо, спал Тимоха-голубятник и весь наш Зонтичный переулочек. Да что Зонтичный! В этот час спала вся Московская область, и с кармановской трибуны сквозь голубую дымку, наверно, видно было, как легко шевелится она во сне. Спящие города и деревни видны были с кармановской трибуны, болота, над которыми подымался блеклый ночной туман, влажные от росы шоссе-дороги, на которых не было ни души, ни машины.

Только где-то у станции Перловка шевелилась в кустах маленькая, еле заметная фигурка. Это шел по следу Вася Куролесов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВОСКРЕСЕНЬЕ

УТРО ПОХИТИТЕЛЯ

Милиционер, летящий на мотоцикле, догнал Похитителя, ударил колесом по пяткам, сшиб, как голубя на лету.

— Проснись! — отчаянно закричал Похититель, рухнул на землю и, наконец, проснулся.

Он лежал на полу в своей квартире. Телевизоры на тонких ножках стояли перед ним, рядом на полу сидели в садке монахи, хлопали крыльями.

— Дракончик! — вздрогнул Похититель, спросонья не узнавая их.

Раздался звонок в дверь — и Похититель вздрогнул вторично. Это ему не понравилось. Собрав волю в кулак, он мысленно приказал

себе больше не вздрагивать, отворил дверь и все-таки, не удержавшись, снова вздрогнул.

За дверью стоял человек, с ног до головы забрызганный грязью, из черной его бороды торчала серая солома.

— Монька? — сказал Похититель. — Ты?

— Не узнал, что ли? — ворчливо ответил Моня-бородач, вытирая пот со лба. — Я к тебе от самого Карманова пешкодралил. Капитан Болдырев всех накрыл. И Сопеля попал, и Кожаный.

— А Барабан?

— И Барабан погорел.

— А хвоста ты за собой не привел?

— Ты что! Я след посыпал тайнинской смесью.

— Чем? — не понял Похититель.

— Тайнинской смесью, не слышал, что ли? В Тайнинке один старикан изобрел. Порошок против ищеек. Махорка, перец, толченый чеснок да еще коровяк-медвежье ухо. У собаки не то что чутье пропадет — нос начисто отваливается. Я тебе с полстакана отсыплю, сам попробуешь.

Моня достал из кармана золотой портсигар, высыпал Похитителю на ладонь немного бурого порошка. Похититель хотел было понюхать, но не успел поднести ладонь к носу, как глаза его превратились в недозрелые черешни, а нос подпрыгнул и принялся плясать, отчаянно чихая.

Моня тем временем оглядывал квартиру.

— Все пустяками занимаешься? — сказал он, когда Похититель отчихался.

— Как то есть?

— На ящики переключился?

— Какие ящики? — не понял Похититель.

Он сегодня с самого утра неважно соображал, да и тайнинская смесь его ошеломила.

— Вот эти, с дыркой, — кивнул Моня на телевизоры.

— Голуби устарели, а телевизоры — современные штуки.

— Чепуха, — недовольно сказал Моня. — Детские игрушки. А ты взрослый человек, тридцать семь стукнуло. Пора подумать о чем-нибудь серьезном.

— Чем же телевизоры несерьезное дело? — слегка обиделся Похититель.

— А чего в них серьезного? Ящики для огурцов.

— Ну все-таки четыре программы, передачи разные.

— Смотреть не на что, — сказал Моня и так раздраженно махнул рукой, что Похититель переменял тему разговора.

— А я вот в Карманов собрался, — сказал он. — Голубей надо загнать.

— Не монахов ли? Пять штук?

— А ты откуда знаешь?

— Вчера у нас на рынке два червяка монахов искали. А Кожаный решил, что они из нашей конторы.

— Один — переросток, а другой с космами? — спросил Похититель.

— Точно.

— Похожи на моих клиентов. Значит, вчера они были в Карманове, а сегодня на Птичий пойдут. Что ж, самое время ехать в Карманов.

— Валяй, а я пока у тебя останусь. Помыться надо да бороду сбрить.

— Ничего не выйдет, — сказал Похититель. — Воду отключили.

— Как же так? — огорчился Моня.

— У нас это часто бывает. Все чего-то ремонтируют. Да ты в баню иди. Воронцовские выходные. Иди в Тетеринские.

— А я-то на тебя рассчитывал.

— При чем же тут я-то? Воду отключили.

Похититель хитрил. Вода в доме была, ни-

кто ее не отключал, но связываться с Моней он никак не хотел. Моня был опасный человек, а с опасными людьми Похититель сроду не связывался.

«Зачем я буду связываться с опасными, — рассуждал он. — Я уж лучше с неопасными свяжусь. Но, честно сказать, и с неопасными связываться порой опасно. Сегодня он неопасный, а завтра такой опасный станет — только держись. Лучше уж вообще ни с кем не связываться».

Сквозь занавеску Похититель внимательно смотрел, как Моня выходит из подъезда, переходит улицу, садится в трамвай.

«Не привел ли Монька хвоста?» — думал Похититель.

СЛЕД НА АСФАЛЬТЕ

Вяло, лениво подымались мы с Длинным в это воскресное утро. Спешить нам никуда не хотелось, да и спешить-то было некуда. Нам явно некуда было спешить.

— А чего нам спешить? — сказал Длинный. — Нам спешить некуда.

Я промолчал, и Длинный посмотрел на меня удивленно, дескать, а ты что скажешь. Но мне и говорить ничего не хотелось, я просто вынул из кармана табличку, на которой печатными буквами было написано:

ЕЩЕ БЫ.

Слегка умывшись, мы выпили чаю, вышли во двор и стали под американским кленом, под которым давно уж сидела на лавочке бабушка Волк.

— Какие-то рожи, — говорила она. — Все время ходят какие-то рожи. Позавчера голубей украли, сегодня, гляди, до ценностей доберутся. До фамильного серебра.

— Какие рожи? — крикнул с третьего этажа дядя Сюва. — Про каких рож вы говорите, бабушка?

— Про тех, которые к нам во двор ходят, — ответила бабушка Волк. — Чего им здесь надо? Кто их звал?

— Не знаю, — сказал дядя Сюва. — Я никаких рож не видал.

— А я видала, — встряла Райка Паукова. — Это все небось к тому Жильцу ходят. Жалко, что не он украл голубей, а то мы бы его живо отсюда выперли.

— Да ладно вам, — сказал дядя Сюва. — Ну зашел человек в гости, хочется же людям культурно отдохнуть.

— Знаю я эту культуру, — сказала Райка Паукова, а бабушка Волк добавила:

— Я бы к нам во двор по пропускам пустила.

— А Жилец-то этот, — продолжала Райка, — дурак дураком. Перышки собирает. Верно Длинный говорит: надо из них подушку сделать.

— Да чего ты к Жильцу привязалась, —

сказала бабушка Волк. — Паковалась бы лучше. Не сегодня-завтра дом снесут.

— Пускай все вокруг сносят — я одна останусь! — крикнула тетя Паня с четвертого этажа. — Меня им сроду не снести!

— Ты, Паня, не права, — рассудительно сказал дядя Сюва. — Ты новому дорогу дать не хочешь. Где ж твоя сознательность?

— Знаю где, — ответила тетя Паня и, подумав, добавила: — Где надо, там и есть.

— Не могу их слушать. Надоело, — тихо сказал Длинный, посмотрел на шкафы, одиноко стоящие на крыше, опустил голову и снова ее поднял, будто надеялся, что сейчас появятся голуби. Но они не появились. Одинокая ворона пересекла небо над Зонтичным переулком.

Длинный поник, потускнел. Потеря голубей была для него большим ударом. С трудом накопил он деньги, чтоб купить монахов, трясся над ними, каждую минуту боялся, что нападет на них голубиная чума. Кармановские события захватили его, отвлекли, а сегодня мы снова вернулись в реальный мир, к пустой голубятне — старым покоробленным шкафам. Два дня назад шкафы эти казались чудом, когда из них вылетали голуби, а сейчас стали они никому не нужной глупостью, хотелось сбросить их немедленно с крыши, расшибить вдребзги.

— Не могу, — сказал Длинный. — Сердце разрывается. Выведи меня на улицу.

Он навалился на меня, обнял за плечи, и я буквально вынес его из ворот.

Залитый воскресным солнцем, лежал перед нами Зонтичный переулок. Кто-то играл на

аккордеоне. Над пустырем за Красным домом подымался столб дыма. Там жгли овощные ящики.

Мы постояли у ворот, поглядели, как горят ящики, побрели по переулку. Возле Серого дома Длинный остановился, ткнул пальцем в тротуар:

— Погляди-кось.

На асфальте был ясно виден отпечаток бо-сой ноги. Это была правая нога Длинного. В прошлом году, когда здесь ремонтировали тротуар, он разулся, отпечатал свою подошву на мягком горячем асфальте, надеясь, что этот след останется на века.

— Обжегся тогда невероятно, — вспомнил он, присел на корточки, поковырял след щепкой, проверяя, крепко ли тот сидит на месте. След сидел крепко, обтерся совсем немного, но Длинный печально вздохнул.

— Вряд ли этот след останется на века. Дом снесут — будут тротуар перекрывать. Да так ли уж важно оставлять свой след на века? Если все начнут оставлять следы — плюнуть некуда будет. И так уж понаоставляли.

Не глядя больше на свой след, Длинный понуро пошел к Воронцовке. Всем своим видом он показывал, что жизнь его сложилась криво: и голубей-то украли, и след не останется на века.

Только на Таганской площади Длинный немного выпрямился, поглядел по сторонам и тут же изо всей силы толкнул меня в бок:

— Смотри!

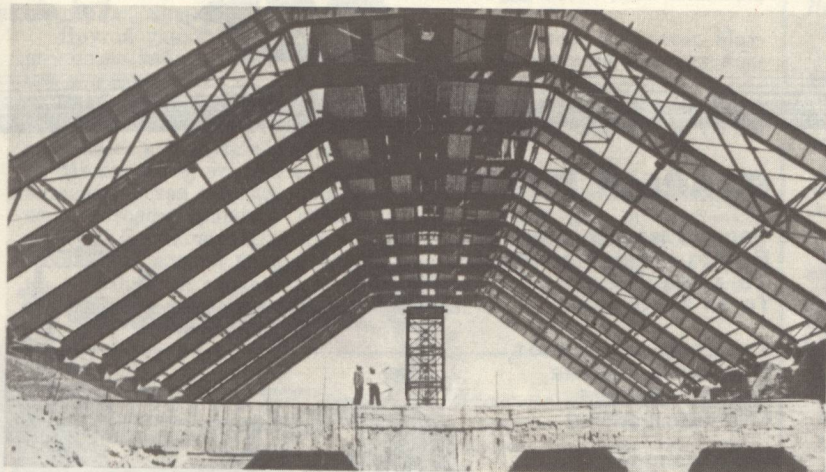
Быстрым шагом, почти бегом, прямо перед нами пересек Таганскую площадь человек в черной шляпе и замызганном костюме.

Окончание следует

У нас огромная страна. Чтобы ее леса, и реки, и залежи полезных ископаемых быстрее поставить на службу народу, строятся гигантские плотины, создается мощная техника. И так наша Родина становится богаче и могущественнее день ото дня.

ОКНО ПЯТИЛЕТКИ

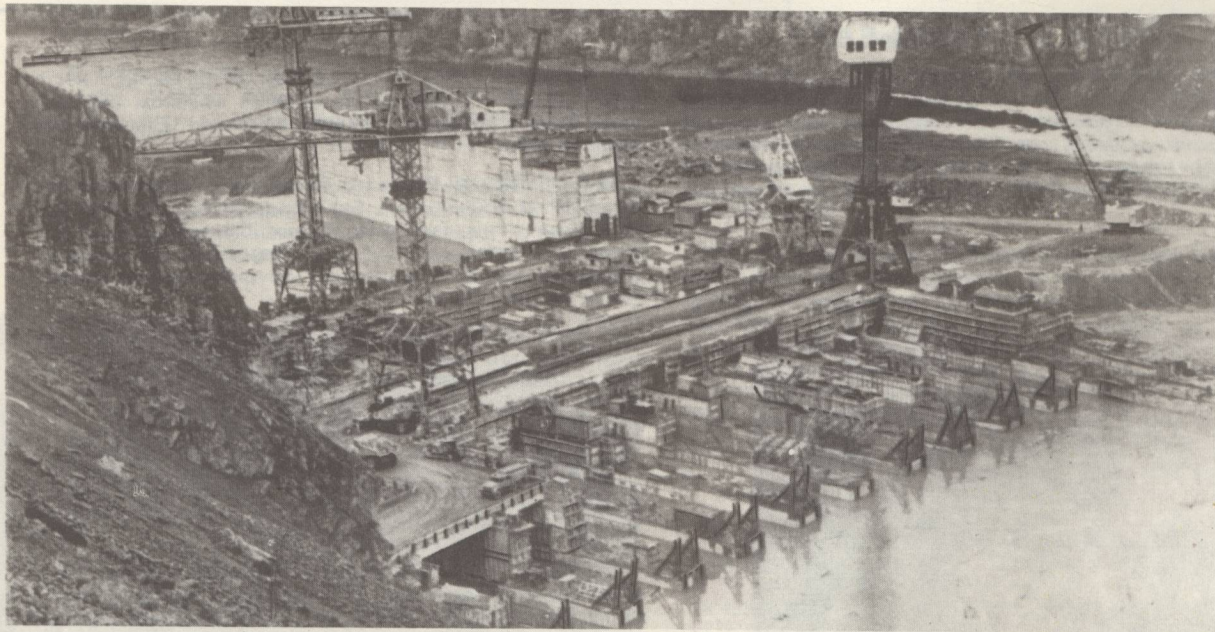
Монтажники строят склад для руды

Так идет сплотка древесины в плоты на таежных реках

Проходит испытание новый автопоезд—углевоз. Он будет вывозить из забоев уголь

Строительство Саяно - Шушенской гидроэлектростанции

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформлен
Р. Попов

Год издания 20-

СТАРЫЙ БУКСИР

Через главный вход
В порт родной приходит
То ли пароход,
То ли пароходик.

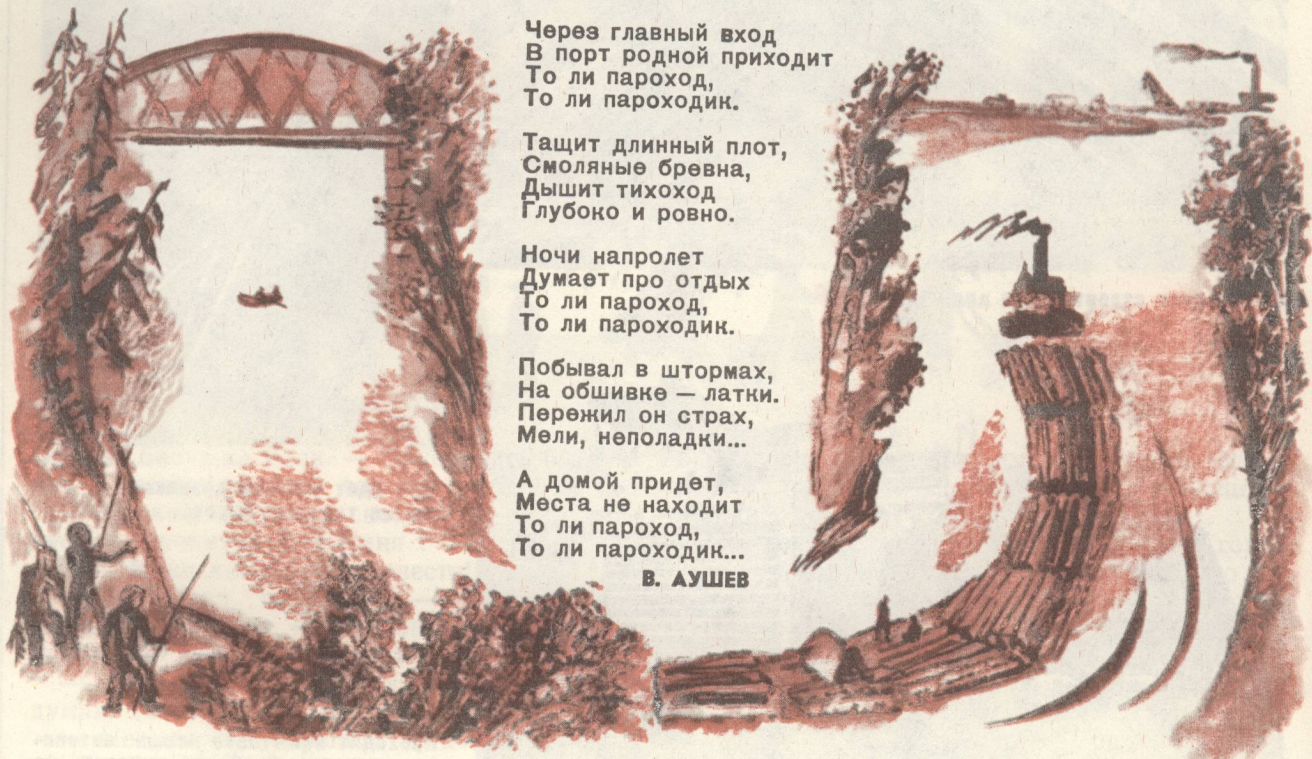
Тащит длинный плот,
Смоляные бревна,
Дышит тихоход
Глубоко и ровно.

Ночи напролет
Думает про отдых
То ли пароход,
То ли пароходик.

Побывал в штормах,
На обшивке — латки.
Пережил он страх,
Мели, неполадки...

А домой придет,
Места не находит
То ли пароход,
То ли пароходик...

В. АУШЕВ

ЮНГИ С „АЛЪБЬЕВА“

7 июля. 10.00. Тобольск. Город стоит на горе. Еще издали видно Тобольский кремль и старую церковь. Ей — двести лет. В Тобольске мы осмотрели крепость, где в кандалах держали декабристов. Сейчас Тобольск — большой город с сильно развитой промышленностью. Отошли от Тобольска. Капитан провел с нами занятия.

Окончание. Начало см. в «Костре» № 7

Мы измеряли эхолотом глубины. Встречаются места глубиной до 17 метров... Видели на высоком обрывистом берегу Иртыша памятник Ермаку. Дальше нам идти по Оби.

10 июля. Вечер. С левого борта видны Уральские горы. В 19.40 причалили в Салехарде. В городе мы посетили памятник салехардцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. На памятнике — надпись: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!».

11 июля. 11.00. Пристань Горки. Сильный туман. Не видно берегов. Сели на мель, но быстро сошли задним ходом. 18.00. Второй штурман провел техническое занятие со всем экипажем. Он рассказал о якорях разных систем — Холла, адмиралтейском и других...

12 июля. Причалили в Погребном. Помогали грузить почту. Потом мыли тентовую и прогулочную палубы. Сегодня Сергей Старков вел судно самостоятельно — 2 часа...

13 июля. 11.00. Причалили в Ханты-Мансийске. Грузили почту и погрузили 300 посылок. У штурвала сегодня стоял самый маленький юнга — Андрияша Моисенко. Да, еще сегодня — событие: у Олега Бутакова день рождения, поэтому к ужину коком был испечен праздничный пирог.

ПРО ХОЛОДИЛЬНИК, ЧЕРЕПАХУ И ОРАНЖЕВЫЙ ШАР

Один боцман с корабля, потерпевшего крушение, спасся так: схватился за большой холодильный камбузный шкаф. Холодильник прекрасно держался на воде, и боцмана после шести дней плавания подобрали живым и невредимым...

Другой удивительный случай был с бразильским матросом. Матрос после гибели судна одиннадцать дней качался на морских волнах в пустой бочке...

Необычным спасательным средством воспользовалась одна женщина с затонувшей яхты. Она оседлала морскую черепаху, и та доставила ее к спасательному катеру...

Может быть, это все и морские враки, а может быть — и нет, но вот вам чистая правда. Совсем недавно изобрели спасательный пояс, в котором хранится сложенный оранжевый шар и баллончик с газом. Стоит человеку, на которого надет пояс, упасть в море, он надавит на клапан баллончика, и шар надуется и поднимется высоко в воздух на тонком шнуре. Шар большой, его легко заметить и с корабля, и с самолета. И человека спасут...

НАЖМИТЕ
НА ТОРМОЗ

Польские инженеры изобрели тормоз для кораблей. Это большие пластины по сторонам корабельного корпуса. Когда тормозить не нужно, пластины прижаты плотно к бортам. Понадобится быстро остановить корабль — механизмы развернут пластины перпендикулярно борту.

И корабль быстро остановится.

Море будет чистым...

«Мария Ермолова» — новый пассажирский теплоход. Что в нем удивительного? Скорость? Но сейчас все пассажирские суда очень быстроходны. Красота линий белого корпуса? И этим на море давно никого не удивишь... Успокоители качки? Спортзал? Непотопляемость? Автоматическое управление? Все это есть на других судах. Новый советский теплоход оборудован необычными механизмами: он ничем не загрязняет море. За борт не попадают ни вода из умывальника, ни отбросы с камбуза, ни капли масла или мазута из машинного отделения... Все жидкие отходы фильтруются, а мусор сжигается в специальных печах. Так что ни один грамм грязи не испачкает моря. Вот какой теплоход-чистюля.

17 июля. В 12.00 причалили к танкеру. Топливо брали на ходу. Погода теплая, даже жарко. Помогали на камбузе и снова мыли палубы и потом занялись стиркой: скоро — дома, все должно быть чисто и в порядке.

В 17.00 спустились в машинное отделение и смотрели, как работают дизели и другие механизмы. Познакомились с работой машинного телеграфа. О правилах судоходства и сигналах нам рассказали второй штурман и капитан. В рубке нес вахту Сергей Щаденко.

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

В Ленинградской школе № 269 открылся «Зал боевой славы подводников Балтики». Все материалы для Зала собрали красные следопыты. Здесь будут храниться документы, фотографии, вещи. Много интересного мы видели. И записную книжку командира подлодки, и водолазный костюм, и карту боевых действий наших подлодок, и офицерский настоящий кортик!

Красные следопыты нам сообщили, что решено в ближайшее время возле школы разбить мемориальный сквер и аллею подводников.

Юнкоры Ваня Арронет
и Витя Григорьев,
Ленинград, школа № 157

Вице-адмирал
Лев Андреевич КУРНИКОВ
разрезает ленту и открывает
«Зал боевой славы подводников
Балтики». Справа — Нина Орехова,
председатель совета Зала

18 июля. Скоро — Омск. Идем быстро, потому что опаздываем на четыре часа. 19.30 — прощальный ужин на теплоходе. Вечером на баке пели песни вместе с моряками. В Омск пришли в 24.00, но на пристани было много встречающих. Боцман теплохода написал о юнгах отзыв от лица всей команды. Прощай, наш теплоход!

ОТ РЕДАКЦИИ. На этом заканчивается ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ юнг Омского клуба речников. Юнги прошли на теплоходе «Композитор Алябьев» сотни километров и работали и стояли вахты рядом со взрослыми моряками. Быть может, через несколько лет мы снова встретимся с ними, но уже не с юнгами, не с мальчишками, а с настоящими моряками — штурманами, капитанами, механиками... Подождем...

ТЕЛЕГРАММА

ОМСК КЛУБ ЮНЫХ РЕЧНИКОВ МОРСКАЯ ГАЗЕТА ВНОСИТ
БЛАГОДАРНОСТЬ КУРСАНТУ КЛУБА ВЯЧЕСЛАВУ БУКАТОВУ
ПРИСЛАВШЕМУ В РЕДАКЦИЮ ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ ПЛАВАНИЯ
И ФОТОГРАФИИ СДЕЛАННЫЕ ЮНГАМИ КЛУБА ЖЕЛАЮ ВСЕМ
КУРСАНТАМ КЛУБА НОВЫХ УСПЕХОВ!

КОНТР-АДМИРАЛ Н. СКОСЫРЕВ

Герман БАЛУЕВ

Рисунки
А. Ивашенцевой

УДИВИТЕЛЬНЫЙ

КАК Я УТЕШАЛ СЕРЕЖУ

Говорят, полноценно живешь до тех пор, пока не перестал удивляться. Перестал — иди на пенсию и отдыхай. Сережу Стеклова назвали пенсионером в четырнадцать лет. Когда я узнал об этом, мне за Сережу стало обидно.

...Я поднимался в гору, а корпуса Артека спускались с горы. То и дело останавливаясь, я смотрел на море, боясь что-нибудь пропустить или не запомнить.

А море после шторма было полосатое. У берега — ярко-зеленое, потом — голубое, потом — густо-синее. Вокруг камней Адаларов, которые торчали из моря, словно клыки, кружевным воротником белела пена.

Я пришел, а Сережа Стеков как раз был дежурным. Он сидел в кабинете начальника дружины, и на рукаве у него была повязка. Он сидел тихо и думал.

И тут залился вдруг телефон. Сережа стал выныривать из своих дум, и выныривал, как

СТЕКЛОВ

глубоководная рыба, долго-долго. Вынырнул, схватил трубку и прошептал испуганно:

— Але! Але! Говорит дежурный.

А потом пришел начальник дружины и отпустил Сережу. И Сережа повел меня на выставку юных филателистов.

Начальник дружины посмотрел нам вслед быстрым кавалерийским взглядом и вздохнул:

— Не заблудишься?

— Не-а, — прошептал Сережа и покраснел, потому что идти нам было двадцать шагов, и на этом отрезке задуматься и забыть, куда пошел, было бы очень трудно.

Вид у Сережи, конечно, не очень спортивный. Высокий, худой, стеснительно сгорбленный. Мне захотелось подбодрить его.

НА ВЫСТАВКЕ

Пришли мы с Сережей на выставку, а тут такие темы: «Герои-пионеры», «Космос», «Артиллерия», «Военно-морской флот», «Пионерия на Марше». Я ходил, восхищаясь, от стенда к стенду, а Сережа пребывал в рассеянности. Но потом он увидел какую-то марку, и лицо у него стало сосредоточенным.

— Что с тобой, Сережа?

— Колесо! — прошептал он. — Колесо!

И в самом деле: на марке было колесо.

— Ну и что?

Сережа завел меня в угол, где никто не толкался.

— Вы думаете, колесо — это так, пустяк? Катится — и хорошо, да?

В его шепоте было странное волнение.

Я стал слушать Сережу, а он стал рассказывать об истории колеса, о боевых ассирийских колесницах, об их огромных колесах, о гончарных кругах, о водяных мельницах, о первых колесных пароходах. И передо мной из глубин истории как бы выкатывалось колесо, и за ним человечество шло к цивилизации.

Оглушенный шумом этих многочисленных колес, я подумал: «Какой умный парень! Почему же мне хотелось его утешить?»

И вспомнил почему: идет отряд — сорок веселых молодцов, а среди них Сережа, как задумавшийся вопросительный знак.

Ребята в отряде все были отличники, филателисты, спортсмены. Они лихо рубились в настольный теннис, умели танцевать, рисовать, писать стихи, увлечь других полезным делом. Они доказали, что сами могут быть вожатыми. Они были великолепными ребятами и так. Артек, как рука гранильщика драгоценных камней, лишь придавал им окончательный блеск.

Они были стремительны, как стрижи, и даже не всегда могли выкроить время для письма, чтобы перечислить свои успехи. А Сережа то и дело нечаянно задумывался и выпадал из бодрого круговорота. И тогда-то я с ним успевал поговорить.

И вот теперь, на выставке юных филателистов, я подумал, что у Сережи есть замечательное свойство. Удивившись чему-то, он не только восклицает «ах!».

Приобретя первую марку — это было как раз колесо, — Сережа захотел узнать его историю. На «колесо» у него ушло полгода. Дальше стало легче. Он решил изучить всю историю техники. За всю свою жизнь он собрал только девятнадцать марок.

Коллекция его так и называется: «От колеса...»

— И до чего? — спросил я.

— Еще не знаю, — тихо сказал Сережа.

РАЗГОВОРЫ В СТРОЮ

Однако, что ни говори, Сережа оставался Сережей. Когда я увидел, как он, выполняя обязанности дежурного, выводит отряд к автобусу, у меня настроение опять испортилось.

— Выходите, пожалуйста! — промямлил он, и лицо его стало унылым.

Строй зашевелился и стал разваливаться. Вожатый зорко оглядел все это безобразие, улыбнулся и ушел.

— Буду ждать у автобуса, — многозначительно сказал он. — Руководи, Сережа, активнее!

Характерными чертами вожатого были следующие: никогда не выходил из себя, умел делать абсолютно все, применял новые методы воспитания. Ох уж эти новые методы! С ума они могут свести. Доверяют тебе, и все тут, и никуда не денешься.

Вот и Сергей умоляюще крикнул вслед вожатому:

— Я не умею! Отстраните меня от командования!

А вожатый лишь скользнул своей мимолетной улыбкой: отставка не была принята.

— Ну, выходите же, выходите! — несмело закричал Сережа.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не Ахмет. Маленький черный Ахмет не мог видеть чужие страдания. Он степным голосом крикнул из хвоста колонны:

— Шаги-ы-ым марш!

И отряд двинулся к автобусу, чтобы ехать к Поляне сказок.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Вечер был теплый, звездный. Итоги недели подводили у костра.

— Зарядку дома хоть делаешь? — спросил Сережу коренастый Леша.

— Не-а. Сначала делал. Руками машу, а сам книжку читаю.

— Не руками надо махать, а работать надо, работать! — наставительно сказал Леша. — Нагрузочку организму давать. А ты!..

— Я не люблю физкультуру, — сознался Сережа.

— «Не люблю!» А если в бой идти? Или на охоту? Мы с батеи белковать пойдем... что ты!.. По тайге! По чертолому! И пожаловаться некому.

— А отцу?

— Будет он тебя слушать! — сказал Леша с восхищением. — Ты — мужик! Иди знай, раз надо.

— Идея есть, — блеснув черными глазами, сказал Ахмет. — Ты, Леша, большой спортсмен. А Сережа — спортсмен маленький..

— Уловил! — прервал Леша. — Общефизическую подготовку беру на себя. Я ему дам перегрузочку! — И он по-хозяйски осмотрел Сережу. Сережа поежился.

— Дежурным Стеклова ставить больше не надо, — крикнули из темноты. — Командует — уши вянут!

— Меткое наблюдение, — сказал Игорь, председатель совета отряда.

Сережа сидел, опустив голову, и даже ни о чем не думал. Он не принадлежал больше самому себе. Он чувствовал себя собственностью отряда.

— Это не по-пионерски, — сказал Леша. — Не может, надо учить. Правильно я говорю?

— Дельное соображение, — сказал Игорь.

— Пускай каждый день командует, — разо-

шелся Ахмет. — Мы будем как отара, а ты будешь как пастух, — объяснил он Сереже. — Ты кричи, а мы будем терпеть.

— Решим так, — сказал Игорь. — Сережа Стеклов командует отрядом до тех пор, пока не обретет навыки настоящего пионерского вожатого.

А Леша сказал:

— Надо все силы бросить на Сережу.

— Верно! — похвалил Игорь.

ВОСПИТАНИЕ

И с этого дня мне с Сережей просто невозможно стало разговаривать: он был постоянно занят. Весь отряд делил его время, а Леша с Катей, которой было поручено учить Сережу танцевать, даже поспорили. Леша почему-то захотел тренировать Сергея не только утром, но и в вечернее, танцевальное, время. Катя дала ему надлежащий отпор.

Сережа грустно помалкивал. Его мнением никто не интересовался.

Он покорно шел играть в волейбол или на танцы, и на него скучно было смотреть.

А потом, я вдруг увидел, он стал оживать. Это, может, со стороны не так интересно, а если играешь сам? Он стал забывать сутулиться, в глазах его появился блеск, движения стали резче, и когда он гасил мяч, то вскрикивал: «Эх!»

Когда шли на обед или с обеда, Ахмет учил Сережу командовать и сердито хмурить брови. Сергей старался. Он с каждым днем покрикивал громче и громче.

Ребята млели от собственного благородства. Однажды Ахмет, нарушив строй, пролез к Игорю, чтобы поделиться пришедшими ему в голову новыми педагогическими мыслями, но не успел поделиться, потому что взвился над колонной осипший голос:

— Разговор-р-ры в строю! Ахмет, на место!

— Ничего себе голосок! — позавидовал Леша. — Прорезался!

— Извините! — прошептал Сережа. Но его шепота никто не расслышал.

ПИСЬМО

Домой Сережа написал:

«Мама, я теперь не такой, каким был до Артека. Вожатый меня хвалит. Он говорит: «Очень хорошо. Только активнее!» Я увлекся спортом, потому что мне это нравится. А еще я полюбил бегать к морю. А бегать от моря я полюбил меньше, потому что вверх бежать хуже.

Я боюсь, что ты меня не узнаешь, потому что я стал здоровый и сильный. Поэтому, когда ты придешь меня встречать на вокзал, то запомни: я буду в красной пилотке».

Кстати сказать, носить красную вместо синей пилотки разрешается только лучшим дежурным по Артеку...

Откуда эта музыка? Рев моторов? Шелест флагов на синем ветру? Из далекого-далекого прошлого. 1934 год! Всесоюзный автопробег юных техников на самодельных автомобилях! Иваново — Москва — Иваново.

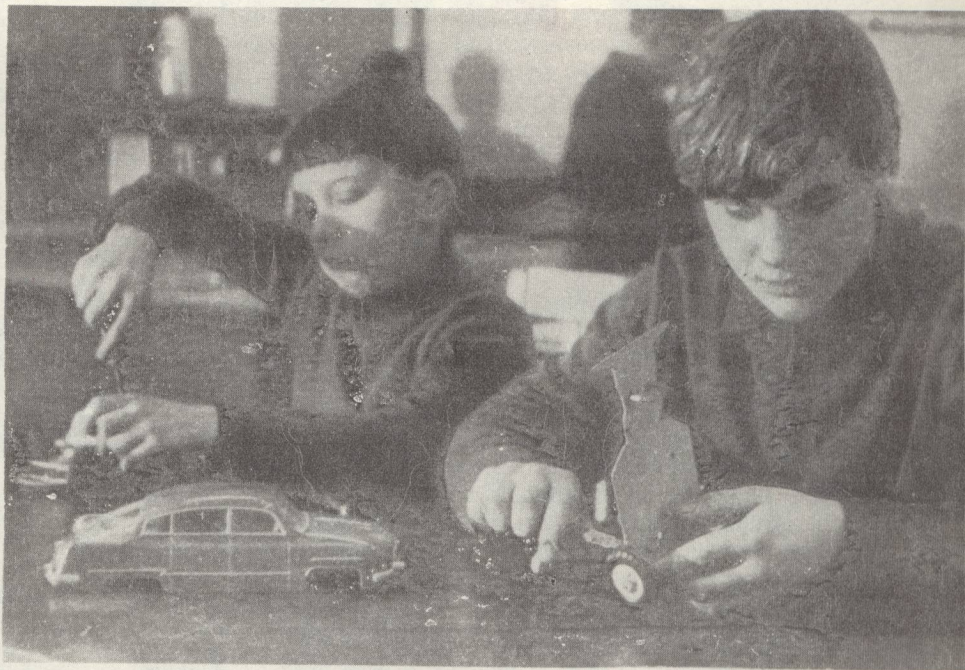
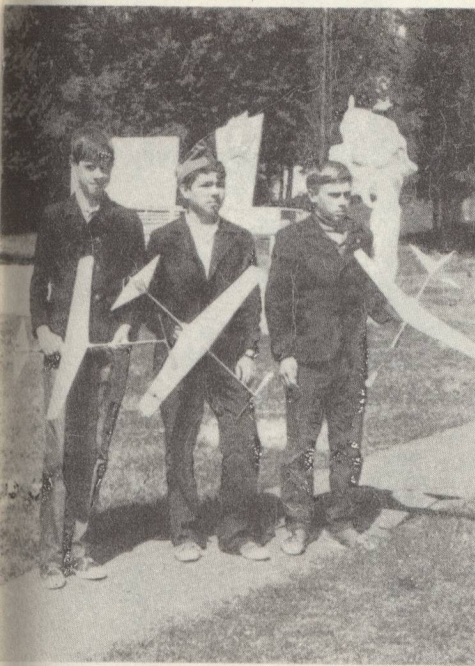
С этого и начинается история областной Ивановской станции юных техников, одной из ста-

тоторовцев» ребята из Иванова заняли первые места.

По пути ребята заезжали в пионерлагеря — те, что поближе к трассе. Там они рассказывали о своей станции, об устройстве автомобилей, показывали разные модели, сделанные своими руками!

Побеседовал я и с нынешним директором станции Валенти-

стрее мчатся! А вот экран, на котором музыка становится видимой, — «продукция» радиолaborатории. А вот аппарат, которому нужно назвать определенный набор цифр, и он ответит, в каком году ты родился! В тридцатых годах такое ребятам и не снилось! Настоящая комната чудес! Тем более что это создали сами ребята.

МАСТЕРА

рейших станций в нашей стране.

Первый ее директор, Иван Николаевич Миньков, рассказывает, что сначала ребята изучали автомобиль и его устройство под руководством опытных шоферов, прямо при гаражах. Существовало общество «Автодор». Входили в него ребята из многих городов, в том числе и из Иванова.

В 1932 году в Иванове была организована областная станция юных техников, где ребята строили действующие модели автомобилей, глассеров, аэросаней, самоходных кранов, авиамодели.

На Всесоюзном пробеге «Ав-

ном Александровичем Яблоковым. Он руководит станцией уже более пятнадцати лет.

«Идемте, покажу вам, какой теперь стала наша станция! — говорит он. — Лучше один раз увидеть, чем десять услышать».

Проходим по лабораториям. Их здесь одиннадцать! Чистые большие классы. Только вместо парт — столы с тисочками. И запах особенный — запах металла, новеньких моторов, эфира и суперклея!

А вот и «заветная» комната. Модель гоночной трассы, построенная ребятами. Крохотные автомобили управляются на расстоянии нажатием кнопки: посильнее нажмешь — бы-

Есть здесь и дипломированные модели, побывавшие на выставке в Осака, в Японии.

— Очень хотели оставить их себе японцы! — кивает на модели Валентин Александрович.

— А летом ребята со станции, наверное, кто куда?

— Нет, что вы! — даже удивляется Валентин Александрович. — У нас ведь здесь свои традиции. Группа ребят с несколькими руководителями ездит летом в пионерлагеря, рассказывает о нашей станции, устраивает соревнования юных техников! Каждое лето о нас узнают новые пионерлагеря, теперь это уже не единственный автопробег, как когда-то.

Странствуют ребята на автобусе, а то и на грузовике. А шофером грузовика часто оказывается сам Валентин Александрович.

...Выезжают на рассвете. В кузове — ящики с деталями, сделанными самими ребятами. К летним разездам готовятся еще с зимы.

Теперь уже не демонстрируют готовые модели — их собирают на глазах у всех и предлагают сделать то же на скорость! От многих лабораторий едут ребята — от ракетной, от авиамодельной и судомодельной, от радио- и фотокружков... Кто сильнее заинтересует новичков своим любимым делом? Авиамоделист Володя Астафьев или Олег Куринков из судомодельного? Оба выезжают со своими моделями в пионерлагерь не первый год.

Река Кохма, река Уводь, река Санеба... Чистые березовые перелески мелькают по сторонам. Грузовик ребятам больше нравится, чем автобус. Вся округа на виду, едешь с ветерком. Если хочешь, можно даже петь.

В пионерлагере уже ждут. Еще с вечера вывешено объявление:

«Всем! Всем! Всем!

Тихого часа не будет.

К нам приезжает областная станция юных техников!

Записывайтесь у старшего пионервожатого в кружки...»

После торжественной встречи в тени деревьев расставляют длинные столы. Юные техники-агитаторы раскладывают заготовки моделей, готовятся к объяснениям и вопросам. На одном столе — авиамодель, еще не собранная, на другом — детали подводной лодки, на третьем — ракеты... Подходи к какому хочешь столу, учишься!

Тебя интересует выпиливание? Пожалуйста! Привезли и фанеру, и образцы, и полсотни лобзиков. Есть и аппарат для выжигания по дереву. А для самых маленьких подобрана игротка.

В конце дня — соревнование на лучшую действующую модель и лучшее изделие, сделанное руками самих хозяев пионерлагеря! Ребята со станции юных техников — в жюри.

Кто не запомнит авиамодель, сделанную своими руками и впервые пущенную в небо?!

А впервые собранный детекторный приемник?

Приходит время юным техникам уезжать, отовсюду слышится: «Когда снова приедете?»

— Нам в другой лагерь пора! Вы сами теперь приходите к нам на станцию! Все, кому понравилось! Занятия с двенадцатого сентября. Научитесь делать модели посложнее, чем эти, мастерами станете!

Машина отъезжает. Вслед ей даже самые маленькие кричат: «Приезжайте опять! Спасибо!»

г. Иваново

А. ЛИСНЯК

«Я особенно люблю те книги, которые учат смелости, а значит, и тех писателей, которые их написали.

Когда-то я многого боялся. Даже темноты, даже лягушек, хотя они не причиняют вреда.

И соседа Мурашку (фамилия не имеет значения). А потом стал читать «Трех мушкетеров» Александра Дюма. И впервые подрался. Не просто так, для удовольствия, а защищая слабого.

У меня появилась деревянная шпага. Потом она сломалась, но мне ее не жалко. Потому что мужество не только в драке, но и в том, чтобы говорить правду, смело идти к намеченной цели.

Да, мушкетеры служили королю, такое было время. Но героизм и мужество нужны всегда. А нам, советским мальчикам, тем более.

Я знаю, что Дюма написал много книг: «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго».

Я читал эти книги, но я мало знаю о самом писателе. Правда ли, что он здорово фехтовал?

Я очень хочу, чтобы «Костер» рассказал о нем.

Боря Шереметенко, ученик 6 «в» класса
518-й школы Ленинграда

Дорогой Боря!

Мы попросили журналистов А. Лурье и С. Довлатова ответить на твои вопросы, рассказать об Александре Дюма, замечательном писателе и своеобразном человеке.

ОН БЫЛ ПОХОЖ НА ПОРТОСА

Неизвестно, хорошо ли фехтовал автор «Трех мушкетеров», но стрелял отменно. Кремневое ружье — отцовское наследство — выручало Дюма. Денег отец не нажил, и в лесах, окружавших городок Вилле-Котрэ, рослый мальчик провел больше времени, чем в школе. А когда решил изменить свою судьбу, то поступил совершенно как Кот в сапогах: взял да и отправился в столицу — без гроша, но с мешком, на-

Перед спектаклем

Рисунок П. Швеца

битым охотничьей добычей: четыре зайца, двенадцать куропаток и две перепелки.

Хозяин гостиницы принял всю эту снедь в уплату за ночлег, а вечер Дюма провел в театре. Он плакал, аплодируя великому трагику Тальма, и дал себе слово, что непременно станет драматургом.

Дюма сочинил пьесу, за ней еще одну. Пьесы шли с неизменным успехом. Газеты, в которых из номера в номер печатались романы Дюма, раскупались мгновенно.

Он разбогател и построил замок «Монте-Кристо». Зубчатые стены, подъемный мост, кованые решетки, таинственные подвалы, и зверинец, и сад, и зеркальный пруд, в котором что ни вечер отражался фейерверк.

Он написал четыре сотни романов, четыре десятка пьес, объездил тридцать стран.

Посетил и Россию — сто двадцать лет тому назад. Жил во дворце графа Кушелева-Безбородко, на набережной Невы, напротив Смольного монастыря. Вернувшись в Париж, любил вспоминать, как вставало багровое солнце из охтинских болот.

При дворах владетельных особ и в революционном гарибальдийском отряде, в великосветской гостиной и на уличных баррикадах Дюма оставался самим собой: храбрый, добродушный, громогласный великан. Он искал приключений и выдумывал их.

Его произведениями зачитывались Маркс, Толстой, Достоевский, Чехов.

Парижане поставили Дюма памятник на площади Мальзерб. В подножье памятника сотни камней, и на каждом камне высечено на-

звание книги или пьесы. Внушительное зрелище! Какое множество книг, и среди них ни одной скучной!

А. ЛУРЬЕ

ДВЕСТИ ФРАНКОВ С ПРОЦЕНТАМИ

РАССКАЗ

На окраине Парижа в самом конце грязноватой улицы Матюрен-Сен-Жак есть унылый шестизэтажный дом. Под чердаком его снимал мансарду высокий кудрявый юноша с азиатскими глазами.

Утром он с потертым бюваром торопился в канцелярию герцога Орлеанского, где служил младшим делопроизводителем. Локти его тесного куртка и колени панталон блестели. Юноша замазывал предательски лоснящиеся места чернилами. Чернил в канцелярии герцога Орлеанского хватало с избытком.

Питался он скверно, луком и разбавленным вином. (Во Франции плохое вино дешевле керосина). Юноша ненавидел лук и был равнодушен к вину.

Напротив его дома был маленький трактир. Над дверью висела сосновая шишка из меди размером с хорошую тыкву. Заведение так и называлось — «Сосновая шишка».

Иногда после работы юноша заходил сюда и долго вдыхал аромат жареной картошки. Потом небрежно говорил хозяину:

— Заверните-ка...

— Но вы и так должны мне сорок франков! — негодовал папаша Жирардо.

— Вот погодите немного, — заверял его юноша, — скоро я разбогатею и щедро вам отплачу.

В результате он уносил к себе в мансарду немного жареной картошки. Его долг папаше Жирардо все увеличивался.

И вот, в один прекрасный день высокий кудрявый юноша с азиатскими глазами исчез. Его комнатку под чердаком занял другой молодой человек в таких же лоснящихся холщовых панталонах.

Шли годы. Трактир «Сосновая шишка» приходил в упадок. В бедном студенческом квартале трактирщику с добрым сердцем разбогатеть нелегко.

Наконец папаша Жирардо заколотил ставни. Теперь он промышлял с маленьким лотком в аристократическом квартале Сен-Жермен. Может быть, кто-нибудь из богачей, утомленных трюфелями и шампанским, захочет отведать жареной картошки?

Как-то раз возле него остановился фиакр, запряженный парой гнедых лошадей. Сначала высунулась нога в козловом башмаке с серебряной

пряжкой. Затем появился весь господин целиком.

Вишневого цвета фрак, белоснежное жабо, и над всем этим — курчавые седеющие волосы и молодые азиатские глаза.

Святая Мария! Папаша Жирардо узнал бедного юношу из мансарды. И тот узнал своего кредитора, обнял его и прижал к широкой груди, стараясь не помять жабо.

— Я, кажется, что-то задолжал тебе? — спросил нарядный господин.

— Ровно двести франков, — ответил торговец, — деньги сейчас были бы очень кстати!

— Денег у меня при себе нет, — заявил господин, — нашему брату не очень-то много платят. Но я щедро расплачусь с тобой, дружище. Я расплачусь с тобой... бессмертием!

И, хлопнув изумленного торговца по плечу, он исчез в роскошном подъезде, возле которого дежурил угрюмый привратник в ливрее с золотыми галунами.

Прошло три месяца. Папаша Жирардо возвращался домой. Сегодня ему не удалось продать ни единой картофелины. Видно, трюфели и шампанское не так уж быстро надоедают аристократам.

Он свернул за угол и обмер. Десятки шикарных экипажей загрохотали по улице Матюрен-Сен-Жак. Возле заколоченных ставен его кабачка толпился народ. Нарядные господа в блестящих цилиндрах колотили в запертые двери лакированными штиблетами, восклицая:

— Открывай скорее, наш добрый Жирардо! Мы проголодались!

— В чем дело? — произнес торговец. — Чему я обязан?!

Какой-то щеголь с удивлением посмотрел на него.

— А ты не знаешь, старик? Да ведь это «Сосновая шишка»! Самый модный кабачок Франции!

— Вы смеетесь надо мной! — взмолился бедняга Жирардо.

Щеголь достал из кармана томик в яркой обложке.

— Читать умеешь?

Папаша Жирардо кивнул.

Щеголь раскрыл книжку.

— «Жизнь теперь представляется в розовом свете!..» — воскликнул герцог. Затем он и его друзья направились в кабачок «Сосновая шишка» на улице Матюрен-Сен-Жак, где достопочтенный метр Жирардо чудесно накормил их...»

— Назовите мне имя сочинителя! — вскричал потрясенный торговец.

И услышал в ответ:

— Александр Дюма!

С. ДОВЛАТОВ

СПАСИБО ОРНИТОЛОГАМ

Орнитология — наука о жизни птиц.

Но почему к ученым-орнитологам все чаще и чаще обращаются за помощью специалисты различных отраслей народного хозяйства?

На этот вопрос ты ответишь сам, когда прочитаешь эти заметки.

ПТИЧЬИ ОЧКИ

Давно известно: сварщики и металлурги не могут работать без темных очков. Шоферы не видят дороги, если их ослеп-

ляют фары встречных машин. А птица может часами сидеть и смотреть на солнце, даже не испытывая признаков ослепления.

Весь секрет в так называемом

глазном «гребешке» пернатых. Прозрачная ткань гребешка может складываться в гармошку, и тогда ее никакой луч не пробьет. А в сумерках гармошка полностью распрямляется и не мешает проникновению света. Гребешки являются как бы вмонтированными в глаза пернатых защитными очками.

Изучив работу и строение этого природного механизма, ученые дали рекомендации, как сделать наиболее совершенные очки для работников «огненных» профессий.

И такие очки уже сделаны.

ЧАСЫ-НЕВИДИМКИ

Когда обыкновенного зяблика после ответственного обучения посадили в помещение «без окон и дверей», где одна из жердочек была выключателем электрического солнца, произошло чудо.

Зяблик точно включал и выключал световой день. И даже удлинял или укорачивал его в зависимости от стоящего на улице времени года.

Режим дня, который сам себе устраивал зяблик, оказался, по мнению ученых, наиболее удачным не только для птиц, но и для человека, живущего в необычных условиях, например, для полярника на дрейфующей станции.

Проведенный опыт подтвердил догадку ученых, что в каждом живом организме работают биологические часы, и помог составить для полярников научно обоснованный режим дня.

ГОЛУБИ-КОНТРОЛЕРЫ

На одном из московских заводов прямо в цехе устроили голубятню. А ее обитателей, всех до единого, зачислили в отдел технического контроля. Дело в том, что биологи, зная зоркость голубиного глаза, поручили птицам... сортировать шарики для подшипников.

После пройденного курса обучения клетку с голубями поставили на конвейер. Глянув на проплывающую мимо добротную продукцию, голубь клевал пластинку, которая включала сигнал «Все в порядке!». Если же на конвейере появлялись детали с трещинками, даже не различимыми человеческим глазом, птица включала сигнал «Стоп!».

— Прошел день-другой, — вспоминают авторы этого нововведения, — как вдруг наши подопечные закапризничали и стали браковать все подряд, без разбора. Причина оказалась неожиданной: птицам не понравились следы пальцев на зеркальной поверхности шариков. Пришлось изделия предварительно чистить.

МУЗЫКА ДЛЯ ХОХЛАТОК

То, что птицы любят бодрые, веселые мелодии, биологи давно замечали. Но как это использовать на практике?

На Минской птицефабрике решили проигрывать курам-несушкам специально подобранные концерты. Результаты превзошли все ожидания. Птицы стали быстро прибавлять в весе, и главное — чаще несли яйца.

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунок Ю. Клыкова

Рассказы
и стихи
твоих
ровесников

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

РАССКАЗ

Летом мы с Борькой отдыхали на таежной реке Тайдон у моего деда Ефима. Кругом тайга, горы. Всего вволю. Рыбачили, конечно, в лес ходили. Катались по реке на лодке. Впрочем, наше суденышко лодкой называл только я. Борька называл его шлюпкой, а меня сухопутным моряком. Я не обижался. Он столько книг о море прочитал, так здорово разбирался в парусной оснастке, что спорить с ним было бесполезно. И я не спорил.

Борька все время что-нибудь придумывал. С ним мне никогда не было скучно. Не беда, что наши планы не всегда осуществлялись. Зато было весело.

Однажды Борька предложил дедовскую старую лодку переоборудовать в парусник и отправиться в плавание.

Мы сразу же принялись за постройку. Незачем описывать все наши мучения. Скажу только, что все у нас выходило как-то не так. То я кричал на Борьку, то он на меня. Мачта, установленная по всем правилам, падала в самую неподходящую минуту, а именно: когда под ней оказывался я или Борька. Поставив мачты, мы не знали, как прикрепить к ним реи. Так мы мучились целых два дня. На третий день наши мучения кончились. Судно было готово. Оно имело парусное вооружение бригаантины. После долгих споров мы назвали ее «Испаньолой» (из «Острова сокровищ» Стивенсона).

На себя Борька возложил обязанности капитана, рулевого, штурмана и артиллериста (хотя пушки у нас не было). Мне остались должности кока, лекаря и матроса. Но я не протестовал.

— Отдать концы!

Концов не было. Я оттолкнулся шестом, и мы пошли по заливику в сторону главного русла. Ветер был отличный, но паруса мы не поднимали. Борька записал в судовом журнале:

«Одиннадцать часов пятнадцать минут. Вышли на главное русло. Поднимаем паруса». Он взял рупор, сделанный из картона, и завопил на всю реку:

— Фок и фор-марсель ставить!

Я кинулся к фок-мачте, запутался в какой-то веревке и со всего маху грохнулся на скамейку.

Мне хотелось кричать! Борьке, наверное, тоже. Я увидел, как он подпрыгивает у руля. Сначала я думал, что это он от радости, но, увидев у него в руках какие-то веревки, побежал к нему. Вернее, быстро пополз.

— Ты чего?! — крикнул я Борьке.

— Грот ставлю!

С превеликим трудом поставили грот.

Бригантина словно ожила. Паруса захлопали, и судно, накренившись, ходко двинулось против течения. Прямо по перекату! Мы с Борькой ахнули!

— Вот это да!

Бригантина набирала ход. Вот уже перекал позади.

Нос лодки резал спокойные воды плеса. Ветер усилился. Бригантина шла все быстрее. Мы блаженствовали. Борька у руля, а я на носу.

Но тут случилось непоправимое! Налетел мощный порыв ветра, и бригантина, кренясь и черпая воду бортом, заскользила к каменистому островку...

Лодку волокло по перекату. Мачты, обломки рей, веревки уносились вниз по течению. Это было настоящее кораблекрушение!

На перекате нам удалось перевернуть лодку. Из оборудования ничего не спасли. Борька сокрушался:

— Такой компас! Где сейчас такой найдешь? Ведь он почти действовал!

Меня беспокоило другое:

— А что нам будет за ведро, за брезент?!

— Ой, и правда! — испугался Борька.

Но всему приходит конец. И вот наступила развязка. Мы с ревом изложили всю правду. После этого дед Ефим запер лодку на замок, а мы получили по два дня «домашнего ареста».

*Юра Белоусов,
Кемеровская область*

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

На бугре, у тенистой опушки,
Лепестки расправляя в тепле,
Одуванчики, словно веснушки,
Распустились на доброй земле.

От нее пахнет хлебом душисто,
Пахнет домом моим и росой.
Ветер веткой играет пушистой
И меня осыпает пылью.

*Люда Сычева,
7-й класс,
Воронеж*

Рисунки А. Орлова

БЕЛЫЙ ОСТРОВ

Александр ИВАНЧЕНКО

Фото автора

На вершину дальней сопки словно розовое облако опустилось. Под спящим солнцем оно засверкало на снегу, как озерко расплавленного металла.

Изумленный и обрадованный, я долго смотрел во все глаза.

Говорят, кто хоть однажды увидит розовую чайку, может быть уверен, что все его сокровенные желания сбудутся. На крыльях розовой птицы к людям летит сама удача. Когда экспедиционное судно норвежского полярника Фритьофа Нансена зимовало в Арктике и, казалось, вот-вот будет раздавлено льдами, больной, стареющий Нансен в один из тех тяжелых дней вдруг вскричал:

— Друзья, мы спасены! Смотрите, летят розовые чайки!

Минули сутки, и льды действительно расступились, вокруг корабля заплескалась спасительная чистая вода.

Может быть, все это только легенда, может быть, розовые чайки просто чайки и нет в них ничего особенного. Может быть. А я вспоминаю теперь розовые крылья и тихо радуюсь. За себя и за остров Врангеля— мой белый остров, подаривший мне розовое чудо Арктики.

Перед отъездом на Север я просматривал старые подшивки газеты «Правда» и в одном из номеров за 1936 год нашел письмо, присланное в редак-

цию первыми поселенцами острова.

«Десять раз зимой пряталось солнце, и было десять больших ночей. Десять раз солнце летом долго оставалось на небе, и было десять больших дней. Десять раз приходили летом моржи и прилетали птицы. Столько мы живем на острове Врангеля.

Теперь мы знаем остров, как свою ярангу. И горные перевалы знаем, и реки, и ущелья. Мы хорошо научились охотиться на морского и пушного зверя. Таян убил медведей, а Нюко добыл много песцов. Мы все хотим быть как Нюко и Таян. Мы их все равно догоним.

Раньше, до советской власти, в наших головах было тем-

но, как в большую ночь зимой, когда нет солнца. Нас не учили и школ нам не давали. Теперь мы грамотные. Сейчас есть школа, учатся восемь детей и семь взрослых. Мы читаем книжки на нашем эскимосском языке. Пять человек изучили мотор, они пойдут на моржовую охоту на катерах. Еще хорошо, что организовали женскую пошивочную артель, которая шьет одежду нам и зивовщикам.

Мы все решаем остаться на острове; он теперь наш родной — советский остров.

Самая старая из нас — Инкали — сегодня сказала: «Жалею, что старая. Это потому, что промысел хороший, много друзей и много радости. Мы шлем рабочим привет и спасибо за помощь и советы».

Это письмо — первый рассказ людей, начавших освоение острова Врангеля; первая страница в книге цивилизации, шагнувшей за семьдесят первую северную параллель.

Наверное, нет на свете другого острова с такой же удиви-

тельной историей. Его искали сотни людей, искали намеренно, наперед веря, что найдут. О нем еще ничего не знали, еще никто точно не мог сказать, где он находится, а он белым контуром уже был нанесен на карту. Так русские Колумбы рисовали на картах свою мечту. Их было много, говоривших о существовании большой земли к северу от Чукотки. Великий Ломоносов, казаки-землепроходцы Иван Львов и Петр Ильин, войсковой топограф Андреев, якутский казачий голова Афанасий Шестаков, капитан флота Гаврила Сарычев...

Это была, конечно, догадка, но ее подтверждали и многие чукчи. Они рассказывали, что в ясные летние дни с континентального мыса Якан далеко в море видны высокие снежные горы.

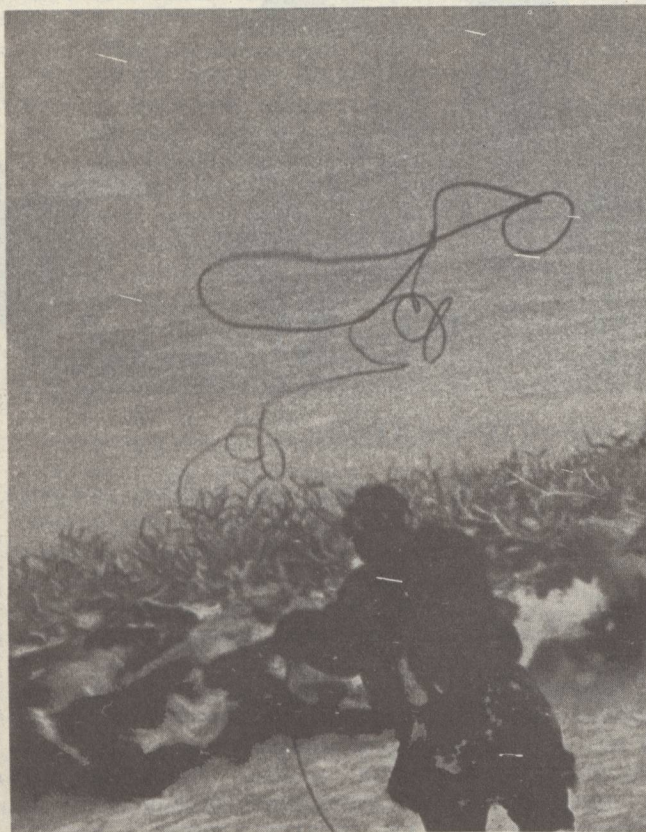
Верили, что существует, видели, а достигнуть никому не удавалось.

Неизменным результатом всех поисков были жертвы и разочарования.

В 1820 году из Петербурга на Чукотку выехала новая экс-

Сегодня у Нанауна большая удача — за один день добыл восемь песцов

Олени — главное богатство острова

Бабушка Эйнене хорошо помнит то далекое время, когда начиналось освоение белого острова

педиция: лейтенант флота Фердинанд Петрович Врангель и лицейский друг Пушкина Федор Федорович Матюшкин. Они провели в Арктике три года. И вот, когда разгадка давней тайны, казалось, была близка, Врангель записал в своем дневнике:

«С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природой препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Мы сделали все, что требовали от нас долг и честь. Я решил возвратиться».

С тех пор прошли еще многие годы и потерпели неудачи многие экспедиции, пока в 1911 году команда ледокольного транспорта «Вайгач» ценой невероятных усилий пробилась сквозь паковые льды к перекрестку 71-й северной параллели и 180-го меридиана и подняла, наконец, на легендарном острове русский флаг. То был конец истории Великих географических открытий, ее последняя строка, закрепившая за Россией семь тысяч квадратных километров новой земли.

Сидевшие на вершине сопки розовые чайки неожиданно взлетели. Водитель вездехода Николай Ежов, которому я только что рассказал о них, высунулся из кабины и с интересом следил за птицами.

— Надо же! Выходит, наш остров удачливый, раз они тут гнездятся.

— Это с какой стороны посмотреть, — отозвался с заднего сидения старший егерь и охотовед острова Иван Акимович Шакин. — Ты вот деда поспрашай, он тут скоро полсотни лет, может рассказать.

Мы ехали в островную тундру к охотникам на песцов, везли им продовольствие. В вездеходе нас было четверо. Эскимос Нанаун, самый старый житель острова, укутавшись в рыжую оленью кухлянку, спал на груди мешков, но, услышав свое имя, сразу, не кряхтя и не вздыхая, поднялся и легко сел

рядом с Шакиным. Седой, проседелый, с резким орлиным профилем, он очень походил на американского индейца. Раскосые черные глаза, обрамленные жесткими белыми ресницами, светились стариковским добродушием, но блестящее, словно отполированное, темное лицо сохраняло суровую неподвижность.

— Правда, расскажите, девушка Нанаун, — попросил я. — Вы ведь писали когда-то в газету, я читал ваше письмо.

Из уголков глаз по застывшему лицу старика побежали лучи улыбки.

— Молодой был, писать первым научился. Письмо в газету, однако, все придумали. Люди говорили, я писал. Молодой был... Теперь семьдесят лет, однако. На пенсию, сказали, идти надо. Месяц был, однако, на пенсии. Скучно шибко.

Охотники готовят собачью упряжку в дорогу

— С тобой, дед, не соскучишься, — засмеялся Ежов. — Что же, по-твоему, до ста лет работать?

Старик обиделся.

— Балаболка ты, Николай, однако, хоть и водитель. Я медаль получил, справно работаю, песцов больше всех добыл. Э, молодой ты... — Нахмурившись, Нанаун умолк на полуслове. Потом вдруг рассердился: — Ты, Николашка, знаешь, как было?

— А что было? — встряхнул

плечами Ежов. — Ну, приехали сюда, жить стали.

— Э... — махнув рукой, старик снова нахмурился. Спорить с Ежовым ему не хватало слов. Он не понимал, что Николай только подзадоривал его. Но долго сердиться Нанаун не умел и сказал примирительно: — Трудно было, однако, сначала.

В 1911 году, когда ледокольный транспорт «Вайгач» поднял на острове русский флаг, царское правительство объявило об этом всему миру, но осваивать новую территорию не собиралось. Слишком суровым оказался остров Врангеля. Неприступные скалистые берега, горы в вечных снегах, ураганные ветры и девять месяцев в году лютый мороз. В Петербурге рассудили, что от такой земли не будет никакой пользы. И

стада моржей, нерпы, лахтака, миллионы гусей, казарок, множество белых медведей. И ко всему еще громадные кладбища доисторических мамонтов. Шкуры белых медведей в Америке в то время стоили дороже бобровых, а бивни мамонта ценились как слоновая кость.

Десятки кораблей уходили от берегов острова с полными трюмами драгоценностей. И хоть во льдах многие суда гибли, алчных хищников ничто не останавливало. Когда в 1924 году к острову подошел советский ледокольный корабль «Красный Октябрь», непрощенных гостей пришлось выдворять силой. Но налеты иноземных браконьеров не прекратились. Небольшая группа зимовщиков, оставленная в бухте Роджерса, не могла охранять огромную территорию острова.

В 1926 году Советское правительство приняло решение создать на острове постоянные поселения. С Чукотки сюда переселились семьи эскимосов и прибрежных чукчей.

Не легко было первым поселенцам, потому и не может Нанаун спокойно говорить. И никак не может понять, зачем ему на пенсию нужно идти. Сила есть, зачем пенсия? Дом хороший, в магазине товаров много, кино есть, книжки есть, радио есть, все есть, и значит, работать надо. Просто и ясно.

Кстати говоря, если делить количество культурных благ на душу населения, то у жителей острова Врангеля их окажется ничуть не меньше, чем в любом другом уголке Советского Союза. На сотню человек взрослому населению — более пятисот экземпляров газет и журналов, три большие библиотеки, кинотеатр и кинопередвижка, регулярные концерты и лекции в Доме культуры, в каждой семье радиоприемники и магнитофоны. И никого здесь не удивишь ни самой модной современной одеждой, ни телевизором и транзисторным приемником.

Но жизнь на острове, конечно, суровая. Арктика остается Арктикой.

— А чайки-то розовые все-таки у нас гнездятся, — словно угадав мои мысли, сказал Иван Акимович Шакин. — И не только чайки. Летом сюда прилетает столько гусей, что в иных местах, когда они садятся, травинки не видно, сплошные живые поля из птиц. Если разумно организовать охоту, за сезон без всякого вреда для основного поголовья можно добывать пятьдесят тысяч гусей и собирать до миллиона штук яиц. Или другое. Считали, что на таких ветрах, как у нас, не выдержит никакой олень. А что вышло? После войны завезли к нам десяток олешек, а теперь их скоро четыре тысячи будет. И это, скажу вам, самые лучшие олени на всем Севере. По весу они почти вдвое больше материковых. Кормежка тут для них оказалась особенная, ягельные пастбища замечательные. И никакого вредителя. Когда возьмешь шкуру материкового оленя, она вся побита оводом, а у нас даже мошкарки нет и, по нашим расчетам, оленья стада можно увеличить до ста тысяч голов. Это как минимум. А нерпа, морж, лахтак, песец? Куда ни кинь, тут кругом сокровища.

— Вот, вот, — добродушно улыбаясь, сказал Ежов. — Давай, Акимыч, переключайся на медведей. «К примеру, возьмем наших белых медведей...»

Шакин невольно насупился, но сказал неожиданно весело:

— Ну и что? И чего смеешься, если у человека присказка такая.

В отличие от деда Нанауна, он понимал, что балагур Ежов разыгрывает своих пассажиров. А что поделаешь, если у него, Шакина, давно уже стало привычкой, о чем бы ни говорил, обязательно закончит своим излюбленным: «К примеру, возьмем наших белых медведей». Но теперь ведь не только

Шакин, все жители острова говорят о медведях.

В Ушаковском — центральном поселке острова — квартирует прилетевшая из Москвы специальная «медвежья» экспедиция, которой руководит известный ученый, профессор Савва Михайлович Успенский. Москвичи отлавливают для зоопарков страны белых медвежат. До недавних пор это занятие сопровождалось непременным убийством медведиц. Отыскав берлогу, охотники стреляли в медведицу, потом забирали детенышей. Москвичи тоже стреляют, но ни одна медведица при этом не погибла. Когда они рассказывали о своей работе, все удивлялись.

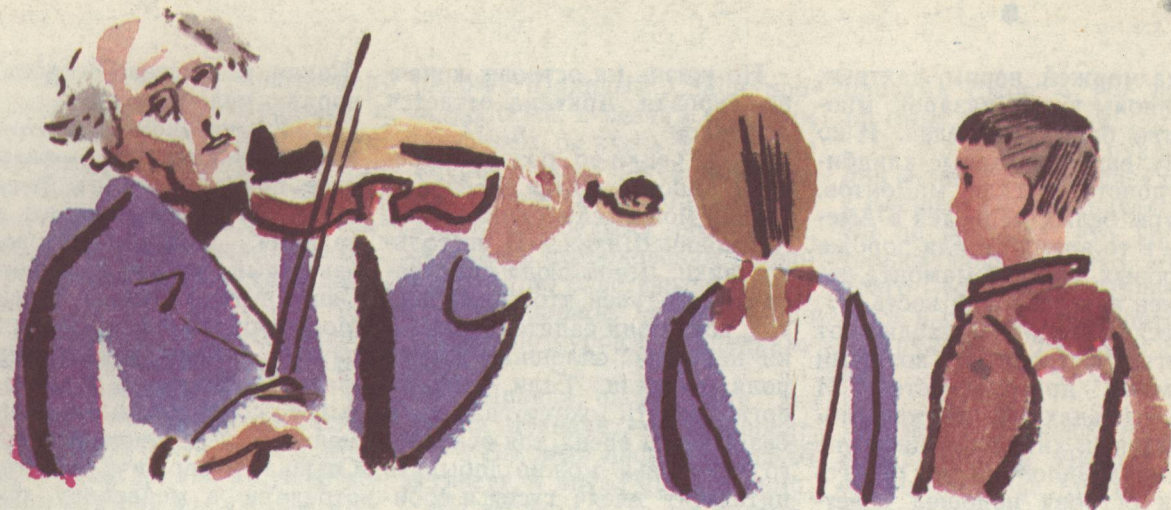
Представьте себе: надо из особого ружья выстрелить в чужую хозяйки берлоги шприцем со снотворным, подождать, пока она уснет, потом взять для анализа кровь, ввести профилактическую сыворотку от возможных болезней, покрасить несмываемой краской спину и только потом удалиться, захватив медвежат.

— Да, — убеждал профессор, — не убийство, а профилактический медицинский осмотр медведиц, необходимая медицинская помощь. По яркой краске на спинах животных мы сможем с вертолета следить за их передвижениями и в совершенстве изучить всю их жизнь. Наша цель превратить остров Врангеля в настоящий дом отдыха для полярных медведей. Они будут чувствовать себя здесь в полной безопасности. Нельзя допустить, чтобы это ценное животное истреблялось.

Я помню, как слушал профессора охотовед Шакин. Гордый, счастливый, он смотрел вокруг, и его пегая бородачка победоносно бодала воздух.

...Вездеход продолжал свой путь в островную тундру. Снова навстречу нам летели розовые чайки.

Рисунок И. Латинского

КОНЦЕРТ

Нина КАТЕРЛИ

РАССКАЗ

Рисунки В. Бродского

Давно прозвенел звонок на урок пения, а Надежды Федоровны все не было. В классе, конечно, поднялся страшный шум. Алька Сидоров с Комовым дрались сумками, под потолком летали бумажные голуби. Вдруг в класс вбежала Майя Комиссарова и с криком «Идет!» кинулась на свое место. Застучали крышки парт, потом стало тихо, и на пороге появилась Надежда Федоровна. Она была не одна. Следом семенил тщедушный старичок в потертом темно-синем костюме и галстучке бантиком. В руках он сжимал маленький черный футляр.

У старичка был тонкий острый носик, очки-пенсне; седые вьющиеся волосы топорщились с двух сторон лысины. Когда мы сели, Надежда Федоровна с любовью взглянув на старичка, радостно сказала:

— Знакомьтесь, ребята! Это Борис Семенович, наш новый учитель пения. Он из Ленинграда, пережил блокаду, теперь приехал к нам. Борис Семенович — мой старый друг.

Тут она жестом предложила Борису Семеновичу занять учительское место за столом, а сама пошла в конец класса и села там за последнюю парту. Старичок садиться не стал. Он немного постоял, опершись на стол обеими руками, потом объявил:

— Знакомство у нас с вами будет не совсем обыкновенное. Сейчас я буду вызывать вас по очереди. Вот на этой скрипке (он вынул из футляра маленькую скрипочку и смычок) я сыграю каждому отрывок из какой-нибудь песни, а вы потом постараетесь напеть то, что я играл.

Сначала все стеснялись. Пели так тихо, что даже на соседних партах не было слышно. А потом освоились. Борис Семенович внимательно слушал, иногда кивал, а когда пел Алька Сидоров, даже зажмурился от удовольствия и что-то отметил в журнале. Когда очередь до-

шла до меня, он тоже зажмурился, потом даже как-то сморщился, как будто ему в рот насильно напихали зеленой клюквы и заставили жевать. А потом вдруг опустил скрипку и замал рукой, в которой был зажат смычок.

— Тише! Тише! — застонал он. — Это же не пение, а вопли!

Я обиделась и замолчала.

— Но так же можно перекричать весь хор, — сказал Борис Семенович уже спокойнее и разрешил мне сесть.

В середине октября Надежда Федоровна сказала нам, что во время ноябрьских праздников школа выступит в госпитале с шефским концертом, и наш класс с сегодняшнего дня будет к этому концерту готовиться. Мы покажем литературно-музыкальный монтаж.

Текст монтажа составила Надежда Федоровна. Она выбрала стихи и песни про Родину, про войну, сочинила слова ведущего. Репетировали каждый день. На репетициях обязательно присутствовал Борис Семенович со своей скрипкой. На меня он всегда поглядывал с некоторой опаской, и я старалась петь тихо-тихо. Тогда он улыбался и кивал мне головой.

Четвертый класс, где учился Колька, готовил целый спектакль. В этом спектакле Колька исполнял главную роль — юного Фрица. Репетировал он даже дома: в конце первого действия ему нужно было упасть; подняв при этом руку для фашистского приветствия, и он каждый вечер учился падать с таким грохотом, что из своей комнаты выбегал перепуганный дед и бросался к распростертому на полу Кольке. Через несколько дней Колька был весь в синяках, зато в искусстве падения достиг совершенства.

Наступил день концерта. Мы, артисты, выстроились на сцене, раненые расселись на скамейках, перед первым рядом на пол поставили

носилки с лежачими. Концерт открыл комиссар госпиталя, он сказал:

— Товарищи раненные бойцы и командиры! Сейчас перед вами выступят наши шефы, учащиеся школы номер два.

Все захлопали и заулыбались. Первым номером был наш литературно-музыкальный монтаж. Подошла моя очередь читать стихи, и я сказала свои четыре строчки, по-моему, хорошо и с выражением. Когда все пели «Широка страна моя родная» и «Священная война», я пела довольно тихо, не то чтоб уж совсем, но так, чтобы все время слышать голос стоящей рядом Майки Комиссаровой.

Монтаж кончился моей любимой песней «Я по свету немало хаживал». И тут, когда дошли до припева, я вдруг стала петь все громче, громче... Я видела ужас на лице Бориса Семеновича, я уже не слышала ничьих голосов, кроме собственного, но почему-то не могла остановиться. Мне, наоборот, казалось, что я пою очень хорошо, лучше всех, и, отвернувшись от Бориса Семеновича, я во весь голос допела песню до самого конца.

И вот начался спектакль «Юный Фриц». За длинным столом заседала экзаменационная комиссия. Члены комиссии, ребята из Колькиного класса, все были с усиками, как у Гитлера, в бумажных фуражках со свастикой, а один даже — в настоящей каске, которая была ему велика и закрывала все лицо до самого рта.

Ведущий — длинный Вовка Климов — громко объявил:

— Юный Фриц, любимец мамин, в класс пришел держать экзамен!

Тут на сцене появилась Колькина учительница Анна Ивановна в какой-то странной маленькой шляпке с пером. За ней, согнувшись, следовал Борис Семенович, время от времени приседая и кланяясь комиссии. Это были родители юного Фрица.

Потом раздался стук башмаков и на сцену «гусиным шагом» вышел Фриц.

Если бы Кольку сейчас увидела тетя Нюся, она бы не узнала своего сына: он надел на себя самую ненавистную свою одежду — короткие штаны с манжетами у колен — брюки-гольф, рубашку с отложным воротничком...

— Задают ему вопрос! — произнес ведущий.

Председатель сдвинул каску на затылок и молча ткнул себя пальцем в нос, а сидящий с ним рядом помощник спросил с ужасным акцентом:

— Длья чего фажисту нозз?

Фриц на секунду замаялся, и папа с мамой тотчас же принялись ему подсказывать. Папа, приложив руки ко рту рупором, что-то шептал, а мама то шумно сопела носом, то делала жест рукой, будто что-то пишет. Фриц мгновенно просветлел и выпалил:

— Чтоб вынюхивать измену и строчить на всех донос! Вот зачем фашисту нос!

Комиссия одобрительно закивала, и каска снова сползла с затылка председателя ему на лицо.

— Вопросает жрец науки... — продолжал ведущий.

— Для чего фашисту руки? — визгливо прокричал толстый Сашка Миронов в огромных очках, — очевидно, главный фашистский ученый. На этот вопрос юный Фриц ответил без запинки:

— Чтоб держать топор и меч, чтобы красть, рубить и сечь!

Успешно ответил он также и на вопрос, «для чего фашисту ноги?», чеканной походкой прошелся вдоль стола, выговаривая в такт шагам:

— Чтобы топтать по дороге, левой, правой — раз и два!

Тут поднялся председатель и тихим, ехидным голосом задал из-под каски самый главный, самый коварный вопрос:

— Для чего же... голова?

Фриц замер, разинув рот. Члены комиссии злорадно переглянулись. Убитые родители замерли — они тоже не знали ответа на этот вопрос. Наступила тягостная пауза. Колька топтался, беспомощно озираясь, и раненые в зале забеспокоились. Им стало жалко Кольку, — наверное, они подумали, что он забыл слова.

Доведя напряжение до предела, Фриц вдруг ударил себя пальцем по лбу и объявил торжественным голосом радиодиктора:

— Чтоб носить стальную каску! Или газовую маску! И не думать ни-че-го!

— Фюрер мыслит за него, — с молитвенным восторгом прошептала мама.

— Рада мама! Счастлив папа! — кричал ведущий, а родители Фрица обнимались и утирали слезы умиления.

— Фрица приняли! В гестапо! — хором сообщила комиссия.

Тут Колька выдал свой «коронный» номер: вскинул руку для приветствия и всем телом грохнулся об пол. Хохот в зале долго не утихал. Потом раздался аплодисменты.

Второе действие, кончавшееся для юного Фрица весьма печально — гибелью в снегах России, — тоже имело большой успех.

Сначала фашист прошелся по сцене с огромным полосатым мешком, откуда потом, причмокивая от удовольствия, вынимал и раскладывал на полу наворованные «трофеи»: «гамаша для мамаша», большой клетчатый платок и даже настоящий самовар, вызвавший почему-то громкий смех в зале. Но недолго радовался жадный Фриц. Русский Дед Мороз — Генка Кожанов, с длинной ватной бородой и деревянной лопатой встал над ним и произнес свой приговор фашисту.

Но вдруг, сказав все, что ему полагалось сказать по роли, он зачем-то подмигнул Кольке и громко спросил:

— Ну, что, съел, Фриц несчастный?

Этого не было в пьесе. Уж кто-кто, а я-то знала ее наизусть. Кожанов просто дразнил Кольку, я поняла это сразу. И ребята из Колькиного класса тоже поняли. Генкин приятель Рыбин злорадно фыркнул, хлопнул в ладоши и противным голосом завопил прямо из зала:

— Фриц! Фриц! Фриц!

На него зашикали, и тут Колька кинулся на Генку, ударил его кулаком в нос и повалил на пол. Генка вырывался, извиваясь, толкая Кольку коленями в живот, но тот уселся на него верхом, вцепился в приклеенную бороду и дернул ее так, что она наполовину оторвалась. В зале заволновались. Колькина учительница Анна Ивановна вскочила с места и прижала руки к груди.

— Колька! — закричала я что есть мочи. — Колька! С ума сошел!!

И Колька опомнился. Отпустив ватную бороду Кожанова, он поднялся на ноги и, словно потеряв последние силы в неравном бою, покачиваясь, отошел в сторону. Оторопевший Генка встал тоже. Неуверенным голосом он повторил слова роли, сказанные им перед дракой, и тогда Фриц стал замерзать. Он трясся, катался по сцене, прыгал, натягивая на себя украденный платок, и даже пытался погреться о холодный бок самовара. Напрасно! Обессиленный, он лег на живот, завыл, подергался и затих, а девочки-снежинки в марлевых юбочках станцевали над его окоченевшим телом победный танец.

Кольку вызывали восемь раз. Он выходил, раскланивался, а раненые опять и опять хлопали и кричали «бис»...

Концерт удался. Все выступали хорошо — и Майя Комиссарова, читавшая «Жди меня» Сиимонова и растрогавшая до слез медсестру Анфису, и ребята из нашего класса, исполнявшие русскую пляску, и знаменитый сводный хор — гордость Бориса Семеновича.

Нас очень благодарили за выступление, даже устроили банкет — на столах были расставлены стаканы с «суфле» — напитком определенного цвета, который был сделан из сои и казался нам невероятно вкусным, морковные пироги и бутерброды со свиным жиром, который назывался «лярд».

Я кончила есть пирог, когда вдруг почувствовала чей-то взгляд, обернулась и чуть не подавилась — на меня как-то боком надвигался Борис Семенович. Обращаясь ко мне почему-то на «вы», он, задыхаясь, спросил:

— Как вы могли?! Ведь это же было чудовищно!

Мне вдруг стало ужасно жалко Бориса Семеновича, хоть я и была уверена, что от моего громкого пения наш литературно-музыкальный монтаж только выиграл.

— Я нечаянно. Я забыла, — бормотала я. — Вы не расстраивайтесь, я больше не буду. Никогда, ни за что!

Борис Семенович махнул рукой и, сгорбившись, пошел прочь. Пирог я так и не доела.

Утром, после первого урока, меня вызвали в учительскую. Я вошла и остолбенела у порога: за столом сидели Надежда Федоровна, Борис Семенович и... комиссар нашего госпиталя.

Когда я вошла, Борис Семенович встал, потер зачем-то лоб и тихо произнес:

— Прости меня, пожалуйста. Вчера я был неправ. Дело в том, что госпиталь — аудитория специфическая...

Я не понимала, о чем он, и от страха попятилась к двери.

— В госпитале — зрители и слушатели особенные, понимаешь? — объяснил мне комиссар и добавил: — Да ты иди сюда, ближе, не бойся.

Я подошла к столу.

— Твой громкий голос, — продолжал Борис Семенович, — сыграл некоторую положительную роль...

— Не некоторую, а очень даже большую, — улыбнулся комиссар, — тебя было слышно во всех палатах и даже во втором этаже, а там лежат раненые, которых нельзя было доставить в зал даже на носилках. Так что — личный состав госпиталя благодарит тебя и просит петь у нас почаще. А вообще — все вы, конечно, молодцы.

После уроков Колька подрался с Кожановым. Разнимала их наша Надежда Федоровна. Минут двадцать пыталась она выяснить причину драки — оба молчали. Наконец все-таки Генка признался, что дразнил Кольку «Фрицем».

— А чего он? — ворчал Генка. — Подумаешь — знаменитость какая нашлась! Я и в госпитале нарочно сказал «Фриц», а то развоображался, думает, что только ему раненые хлопают.

— Как тебе не стыдно, Кожанов! — сказала Надежда Федоровна. — Ты, значит, просто завистливый человек. Ведь из-за тебя весь спектакль мог провалиться, если бы Коля вовремя не взял себя в руки.

— Чего же я, не понимаю, что ли! — сказал Колька. — Я только сперва разозлился, а потом вспомнил...

К следующему концерту Кольке поручили выучить отрывок из «Василия Теркина». Колька очень обрадовался: Теркин — это все-таки не юный Фриц. Наверное, он надеялся, что после выступления его станут звать в школе Васей Теркиным.

Целыми днями дома и в школе он теперь бубнил:

*«В поле вьюга-завируха,
в двух верстах гудит война,
на печи в избе — старуха,
дед-хозяин у окна...
...А старик как будто ухом
по привычке не ведет.
«Недолет. Лежи, старуха».
Или скажет: «Перелет».*

На новогоднем празднике в госпитале Колька очень хорошо прочитал свой отрывок и опять получил много аплодисментов.

Но главная надежда его все-таки не сбылась: вместо «Теркина» его стали звать почему-то «Дед-старуха». Но он уже не дрался.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

НЕНАВИСТНЫЕ СЛЕЗЫ

Едва потерплю неудачу,
я плачу. Негромко, но плачу.
Уж очень нестойкий в беде я...
И тут появилась идея!
Рисую фломастером лозунг:
«ДОЛОЙ НЕНАВИСТНЫЕ СЛЕЗЫ!»

...И вот, подавляя рыдания,
решаю начать испытанья.
Беру туалетное мыло,
намылил. Заело, заныло,
в глазах ядовитые змеи,
страдаю. Но плакать не смею.
А в школе,
на переменке
я вдруг отделился от стенки,
сказав одному забияке:
— Ударь меня, Колька, без драки.
Ударь от души, не для вида.
Примерился Колька — и выдал!
Губа, как сарделька в столовке,
распухла... Но плакать — неловко.
Чуть позже я вывихнул руку,
но запросто вытерпел муку.
Придя на пустырь, торопливо
разделся — и голый в крапиву!
Сижу, закаляюсь. А мимо
бежали Наташка и Римма.
Увидев, упали от смеха:
— Ой, Плакса! Ой, гляньте, потеха! —
Слыхали? Я — Плакса?! Да я же...
смотрите... крапивою даже!
«Хоть режьте, — кричу им, — хоть ешьте!»
И тут я заплакал, как прежде,
от горькой обиды, от слова...
И начал крапивиться — снова.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Я принес домой ужа,
стал им любоваться.
Стали родители визжать,
а затем — плеваться!

Стали родители мои
приседать и охать!
...Змеи, мыши, муравьи —
разве это плохо?

Даже муха-метеор
до чего красива!
Ради мухи вытру сор,
чтоб не разносила.

Ну, а ради хомяка,
что живет в диване,
кашу съем и молока
выпью, что в стакане.

Постираю с порошком
сам себе рубаху
за живущую тайком
в кухне черепаху.

Говорят, что это — чужь,
если в доме — гады...
Говорят мне... Ну, а уж
спрятался куда-то.

...Я обиженный сижу.
Родичи — известно! —
объясняют, что ужу
жить у нас не место.

Шарит бабушка в углу,
ищет мама в нише.
Дед сказал: «Нашел иглу,
а ужа не вижу».

Обыскали коридор,
все изрыли вроде...
...В нашем доме с этих пор
в тапочках не ходят.

Словно где-нибудь в лесах
Беловежской пуши,
так и ходят — в сапогах,
в валенках большущих!

Рисунки М. Беломлинского

НЕ СКАЗАЛИ, ЧТО НАШЛИ

РАССКАЗ

Алексей ЛЕОНОВ

Рисунок Н. Кустова

Весной, когда цвели ландыши, я шел по лесу, смотрел на зелено-белые ландышевые поляны, насвистывал песенки и любовался молодой зеленью деревьев. Скоро я перестал насвистывать разную чепуху, потому что хороших песенок не знал, ленился запоминать их. А еще потому прекратил я веселиться, что лес наполнялся птичьим пением так разногласно, что никакому солисту, хору, ансамблю не сравниться своими голосами и музыкой с весенним пением птиц.

Но лишь закончил я насвистывать, как стал почему-то думать про одуванчики. Ландышей было очень много, и, казалось, все они просились ко мне в руки, хотели, чтобы я ими кого-нибудь обрадовал, унес бы их из леса. Одуванчиков тоже бывает много. Когда они еще не облетят, то утром луг от них кажется серебряным, ледяным. Тогда лисы снуют по лугам и лесам, добывают своим лисятам разный корм...

«Два лисенка и лиса», — подумалось вдруг мне.

Я никогда не сочинял стихи, но теперь вдруг обрадовался, что с «двух лисенков и лисы» должно начаться хорошее стихотворение, такое, каких еще ни взрослые, ни дети не читали. И я забормотал, не слушая птиц, не замечая лесных цветов:

— Два лисенка и лиса... Два лисенка и лиса...

Я не знал совершенно, что мне делать с этими лисятами и лисой. Мне надоело декламировать эти три слова, и я стал напевать их, поддельваясь под детский голосок:

Два лисенка и лиса...

Мне показалось, что лисята с лисой завели меня в глубь леса, что из-за них я сбился с пути и теперь не выберусь к реке, к крутому обрыву, куда я держал путь. Но испуг мой был напрасным. Я оказался у старой лесной дороги, которая недалеко от меня сворачивала к тому обрыву.

Два лисенка и лиса... —

снова забормотал я и вдруг нашел им занятие, настоящее лисье занятие:

Все обегали леса...

Мне показалось, что лес подхватил мои слова, птицы и деревья в стройном хоре повторили:

Все обегали леса.

Трудно передать, как я был обрадован находкой этих трех слов. Теперь я был уверен, что я могу сочинять стихи, что непременно стану поэтом, правда, детским поэтом, но и не терял надежды вырасти во взрослого, в гениального поэта. Еще мне казалось, что я могу не только быть поэтом, но и сочинять к своим стихам музыку. Я уже слышал ее в лесе, в ветре, в течении рек, мне оставалось лишь взять ее к своим песням — и дело сделано. Я уже видел горы стихов и музыкальных нот. Вдруг я опустился в ямку, упал и оцарапал о сучок руку.

Раздосадованный я пошел дальше, вспомнил, что насочинял, и решил докончить свое первое стихотворение, но больше не сочинять, чтобы не нажить другой беды. Этак можно не только руку поцарапать...

Впереди замелькали просветы. Я подходил к опушке. Лиса с лисятами мне надоела. Все это выдумка. И никакой я не поэт, а тем более не музыкант. Я зашагал быстрее к опушке. Там река, простор. Но уйти от лисят с лисой мне не удалось.

Два лисенка и лиса

Все обегали леса...

Что искали — не сказали,

Не сказали, что нашли...

Я стал произносить первые попавшиеся слова, не думая об их значении, стройности, произносил быстро, в такт ходьбе.

Не сказали, что нашли,

*И расскажут нам едва ли,
Что увидели вдали...*

Лес кончился. Река ослепила меня. Я остановился у березы и вдруг, к моему удивлению, увидел лису. Она бежала над обрывом, смотрела в траву, видимо, охотилась. Я невольно стал высматривать лисят, именно двух, тех самых, которые с мамой-лисой «обежали все леса», о которых я только что сочинил стихи.

Лисят не было. Лиса вдруг остановилась, уткнула морду в траву в одном месте, в другом, заметалась, забегала под обрывом, копнула в нескольких местах каменистый берег.

Я решил было, что лиса нашла заячью нору, но вспомнил, что зайцы без нор обходятся, да и в эту пору зайчата уже на лапки вскинулись, кислицу поедают в лесу. Беспокойство лисы было так подозрительно, что я забыл совсем о стихах и стал следить за ней, совсем потерявшей лисью осторожность.

Лиса встала над обрывом, посмотрела вниз, в воду. Крик ласточек-береговушек вдруг разнесся над берегом, над опушкой. Они кричали: «Люди добрые, птицы, звери, посмотрите на эту плутовку. Она напала на наши поселения. Она посягает на жизнь наших птенцов».

Лиса свесила морду с обрыва, лапой пыталась достать до ласточкиного гнезда. Птицы пронеслись над ней, грозя клюнуть лису, но она знала их силу, занималась своим плутовским делом. Она охотилась за вылетающими из норок ласточками-береговушками. И вдруг над обрывом взвился рыжий пушистый хвост и лиса исчезла.

Я бросился к обрыву и заглянул вниз. Под обрывом кипела вода. Казалось, что со дна реки пробился подземный источник, одолевает речную воду, пробивается фонтаном наверх.

Вдруг кипение воды остановилось, на речной поверхности показалась рыжая лисья голова. В пасти лисы билась огромная зеленая щука. Лиса добралась до пологого берега, бросила щуку на песок, стряхнула с себя воду.

Я громко рассмеялся. У лисы был укорочен хвост. Рыжая метелочка торчала из щучьей пасти. Лиса взглянула на меня, не задумываясь метнулась от реки и скрылась в лесу. Ласточки-береговушки восторженными криками проводили ее в чащу. Щука тяжело трепыхнулась, приблизилась к воде и ушла в речную глубину.

Ласточки-береговушки занялись своими мирными делами. Я полюбовался их нырянием в береговые норки, вспомнил о своем сочинительстве и пошел к лодке. Была зеленая, цветущая весна. И я снова стал подбирать слова.

Рыже-куцая лиса

Обежала все леса,

Что искала, не сказала,

И не скажет, что нашла.

Я не стал больше ничего присочинять. Да разве это стихи? Челуха какая-то... Я понял, что стихи писать очень трудно, и бросил это занятие.

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Итак, доблестные рыцари, финал турнира открыт!

Условия: в №№ 8 и 9 два разрядных тура — 12 заданий по 10 очков каждое. Нормы: 80 — четвертый разряд, 100 — третий, 120 — второй. Затем — в № 10 — призовой тур для выявления победителей. И еще: тот, кто в разрядных турах не доберет до нормы 10 очков, возместит их, решив все позиции призового тура.

Финальные рапорты отправляйте письмом, указав новый пароль. Решения должны быть написаны аккуратно, четко и полно. Разбор всех важных вариантов обязателен. Дополнения и поправки приниматься не будут.

О конверте, полученном от Ферзьбери: в нем шахмат-адмирал пошлет ответ на рапорт, поэтому крупно и ясно напишите на нем собственный адрес и, сложив пополам, вложите в письмо с рапортом.

А теперь — боевые задания первого разрядного тура.

Шахматистам —

№ 1. Белые: Kpd5, Фг1, Ca7, Kd7; черные: Кра8, пп. b7, d6.

№ 2. Белые: Kpd3, Фb1, Cg1; черные: Kph1, Ca7, п. g2.

№ 3. Белые: Креб, Ле1, п. e7; черные: Кре8, Се5.

№ 4. Белые: Кре5, Лh1, Kd8, пп. f3, g4, h2, h5; черные: Kph4, пп. h3, h7.

№ 5. Белые: Kph4, п. e4; черные: Kpb3, п. e5.

№ 6. Белые: Кра7 (e5), Фb7; черные: Кра1, п. a2.

Что нужно найти? № 1 — мат в 2 хода; № 2 — в 3 хода; № 3 и № 4 — в 4 хода; № 5 — чем окончится игра, а) если ход белых, б) если ход черных; № 6 — чем окончится игра, а) если белый король на a7, б) если белый король на e5.

Шашкистам —

№ 1. Белые: Д. b8, пр. g3, h2; черные: пр. c3, h6.

№ 2. Белые: пр. a5, c1, g1; черные: Д. b8, пр. d6.

№ 3. (В. Филатчев). Белые: пр. b2, d2, g1; черные: пр. e5, f4.

№ 4. (В. Филатчев). Белые: пр. f4, g5, h2; черные: пр. c5, g7.

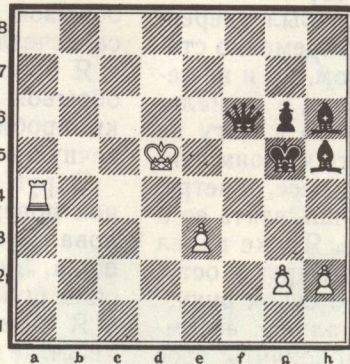
№ 5. Белые: пр. a5, d4, h2, h4; черные: пр. a3, a7, h5.

№ 6. Белые: Д. h2; черные: пр. b4, d4, h4.

Везде ход белых. Чем должна закончиться игра?

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

— Ну, Косой, признавайся, — прорычал Медведь и поднял лапу, чтобы сбить с доски фигуры.

— В чем это мне признаваться?

— Будто не понимаешь! В том, что проиграл. Сдавайся!

— Умру, но не сдамся. Шах! — и Заяц пошел 1. h4+.

— Очень я испугался твоего шаха. Уйду и все: 1... Kf5. Сдавайся!

— Умру, но не сдамся. Шах! — и Заяц пошел 2. g4+.

— Ага! Уже пешки отдавать начал? Давай, давай, мне все пригодится — 2... C:g4. Сдавайся!

— Умру, но не сдамся. Шах! — и Заяц пошел 3. Лf4+.

— Ага! Уже фигуру последнюю отдаешь? Давай, давай, мне все пригодится, — протянул Медведь лапу, чтобы побить ладью. Потом отдер-

нул. Задумался. Да как вскочит! Но Заяц уже вдали мелькал.

Что же Топтыгин заметил?

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры — белые: Кре1, Ла1, Лс1, Сс2, Сf8, п. a2; черные: Крb2. Это задача арчебековца из Солнечногорска Игоря Антонова. В ней требуется дать мат в 2 хода. Что это значит? Это значит, что нужно найти такой первый ход белых, который обеспечит мат при любом ответе черных.

Итак, отважные оруженосцы, еще шаг вперед — марш!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Cd3! g6+ 2. Кре4! Б. 1. Сb1! b2 2. Ла2 b3 3. Ла3 и т. д. Шашки — А. 1. f8 h2 2. f2 g1 3. e3!X. Б. 1. d2! hg3 (если fg3. то 2. e3X) 2. e5X.

Оруженосцам. Превращаем пешку в коня! 1. h8K!X.

Кто? Кто? Кто? № 1. 1. Фа8! № 2. 1. Kh2! Теперь — 1... Kp:h2. 2. Лh8, или 1... g2+2. Кре2, или 1... gh 2. Лg8. № 3. 1. Kd7! Kph1 2. Ке5 h2 (или Kph2 3. Kf3+) 3. Kg4.

Случай из сеанса. 1. b6 e5 2. d6 h3! — так черные достигают ничьей. Кто не согласен, пусть это опровергнет!

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 15 октября.

§ 2. С моим сообщением о числе очков за рапорт № 8 рыцари опять получают чистый конверт — его сохранить до рапорта № 9.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ЛЕТО, ДО СВИДАНИЯ

Вот уже на подоконнике
Листья желтые лежат.
С каждым днем все чаще дворники
Подметают сквер и сад.

Дождь по улице торопится,
Будто в школу опоздал.
Лето долго не воротится,
Лето едет на вокзал.

С. СКАЧЕНКОВ

Рисунок Т. Капустиной

БУРУНДУЧОК

Солнце село.
И с вершин
Крепкостволых, стройных сосен
Пролилась в ложбинку просинь...
Кто-то в травах шебаршил.

Это был бурундучок —
Презабавнейший пролаза,
Любопытный, востроглазый
И подвижный, как волчок.

Он подсматривал за мной
Из-за пней, из-за валожин.
Он вдоль просеки Медвежьей
Провожал меня домой.

Знать, кумекал: что за зверь?
Что я значу? Что я стою?
Он хотел дружить со мною,
Так я думаю теперь.

В. КУЗНЕЦОВ

Рисунок Ф. Васильевой

СВЕТОФОР

Погляди на помидор —
Он совсем как светофор.
С дальней грядки жарким летом
Он светил зеленым светом.
Желтым светом он горел,
Располнел и раздобрел.
Вот зажегся красный свет.
Стоп! Срывай. Готовь обед.

Г. ДОМРАЧЕВ

Рисунок О. Зуева

Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку.

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЕК»

ВОРОБЬИШКА

Таня принесла домой воробьишку. Весь он был всклокоченный, растрепанный. Таня пригладила ему перышки и пустила на пол. Воробьишка упал на бок, но тут же снова стал на лапки. Потом взмахнул крылышками и рязинул клюв.

„Покормить надо“, — решила Таня и побежала ловить мух. Наловила, поотрывала крылья и принесла Воробьишке. Мухи ползают по полу, а воробьишка их не клюет. Хотела сама в клюв положить — воробьишка испугался, поскакал в сторону, косится на Таню одним глазом.

Взяла Таня кусочек хлеба, крошит перед воробьишкой и приговаривает:

— Ешь. Ну, ешь. Цып-цып...

Воробьишка не понимает. А со двора на Танино „цып-цып“ прибежал цыпленок Петя. И сразу стал клевать крошки. Воробьишка смотрел-смотрел, как Петя клюет, и сам стал клевать.

Склевали они вдвоем весь хлеб. Петя во двор засеменял, воробьишка за ним. Под весом возле хаты — миска. Подошел Петя к миске, пьет. Наберет воды в клюв, голову запрокинет, воду проглотит. Воробьишка тоже нос в воду сует и голову запрокидывает. Сначала у него ничего не получалось, — то воды не наберет, то захлебывается, фыркает. Но не отступает, опять к миске лезет. Так понемногу и научился.

С тех пор Танюша никогда их врозь не видела. Катаются по двору два пушистых комочка; желтый, побольше — впереди, серенький, поменьше — сзади.

К концу лета Петя из желтого пушистого шарика стал белым длинноногим курёнком с розовым гребешком. А у воробьишки крылышки подросли.

2

СТЕПНЯКИ

Как семечек в подсолнушке,
В избе полно ребят.
А вот они на солнышке
Рядышком сидят.

Пропахли степью горькою
Ребята-степняки.
У них глазенки зоркие,
А кулачки — крепки.

Ну что ж, ребята, здравствуйте!
Поборемся, кто смел?
И так меня сграбастали,
Что еле уцелел.

Мужает смена новая
От города вдали.
Здесь степь солончаковая,
А дети — соль земли!

В. ТРУБИЦЫН

Рисунок Э. Копыловской

6

КАПУСТА

Шинкуют капусту
В селе дотемна,
И с радостным хрустом
Крошится она.

За стружкой стружку
Дают кочаны,
И, смотришь, кадушки
Капустой полны.

Пропахла капуста
Полями, росой,
И пенится вкусный
Холодный настой.

Капуста крошится,
Спешит в закрома,
Светла и душиста,
Как осень сама.

А рядом мальчишки
Ватагою всей
Грызут кочерыжки
Всех яблок вкусней.

Н. АЛТУХОВ

Рисунок Ю. Иванова

7

Как-то улегся Петя в ямку на тропе, отдохнуть захотел. Воробьишка рядом топчется, тоже прилечь собирается. И вдруг взмахнул крылышками и взлетел на самый верхний боковой стебель подсолнуха. Лапки поджал, перья распушил, греется на солнце.

Запрыгала Таня, в ладоши захлопала от радости.

— Полетел! Полетел! Летать научился!

А потом и загрустила. Поняла, что скоро улетит воробьишка и не вернется. Силу свою почуял, свободу. Он ведь не домашняя курица.

В. МИРОПОЛЬСКАЯ
Рисунок П. Кузнецова

8

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА

Четыре с половиной тысячи лет играют люди в шашки, но только с конца прошлого века стали выявлять лучшего на Земле игрока. Соревнования эти проводятся не на привычной нам доске, а на доске столклеточной — международной. И как раз теперь — в августе — лучшие столклеточники мира съехались в Голландии, в Амстердаме, чтобы помериться силами и разыграть шашечный титул чемпиона, разыграть в турнире, который называется Олимпийским.

— Как? Титул чемпиона мира — в турнире? — удивятся те, кому известны порядки шахматные, где встреча на высшем уровне — всегда дуэль, всегда матч один на один.

Но у шашкистов законы иные: на вершину шашечного Олимпа взбираются двумя путями.

Когда француз Исидор Вейс — первый чемпион мира, прозванный Наполеоном, получал вызовы на матч, он отвечал:

— Нет! Я буду отстаивать свой титул только в турнирах!

Целых 16 лет никто не мог победить Вейса в турнирах. А когда он все же был низвергнут, его преемник, голландец Герман Гоогланд, продолжал гнуть ту же линию: играть матчи отказывался. И лишь третий чемпион, француз Станислав Бизо, заявил, что готов к борьбе за титул когда угодно и где угодно. В турнире? В турнире! В матче? В матче! Но его отвага обернулась против него: всего год продержался на шашечном троне Бизо.

Последующие чемпионы мира вновь стали диктовать соперникам форму состязаний за титул: одни избрали турни-

Света Груданова
учится
в 3-м классе
500-й школы
города
Ленинграда
и в первенствах
мира
по шашкам еще
не участвовала.
Но у нее
уже
первый разряд
и несколько
побед
над мастерами
спорта

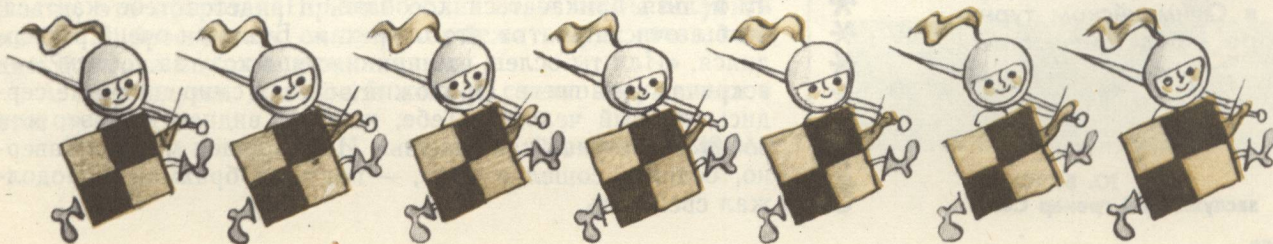

ры, другие — матчи. И тогда Всемирная шашечная федерация постановила: чемпионы обязаны защищать титул... и в матчах, и в турнирах!

— Зачем? — спросит кто-нибудь. — И вообще, не все ли равно — играть в матче или в турнире? Шашки ведь остаются шашками!

Остаются, это так... Но вот представь, будто ты играешь матч. Это значит, что противник у тебя каждый день тот же, а следовательно, его можно хорошо изучить: выявить познания, излюбленные схемы, игровой темперамент, степень допускаемого им риска. В турнире же не то. Там ежедневно противник иной — всякий раз перед тобой новая загадка, разгадать которую нужно в течение одной встречи. Разница? Безусловно. Или взять другое..

В матче ты будешь все партии играть с партнером, класс игры которого неизменен. А в турнире? Там же порой прямо-таки чехарда получается! Сегодня играешь с мастером, а завтра — с гроссмейстером. То встречаешься с тем, кто накануне проиграл и во что бы то ни стало ведет партию под девизом «Пан или пропал!», а на следующий день против тебя садится такой партнер, который со всеми осторожничает и сразу же устремляется к ничьей. Все время нужно приправляться к новому! И вот получается: киевский гроссмейстер Исер Куперман, пять раз побеждавший в матчах на первенство мира, ни в одном из Олимпийских турниров не смог прийти к финишу первым; а гроссмейстеру из Москвы Вячеславу Щеголеву, вы-

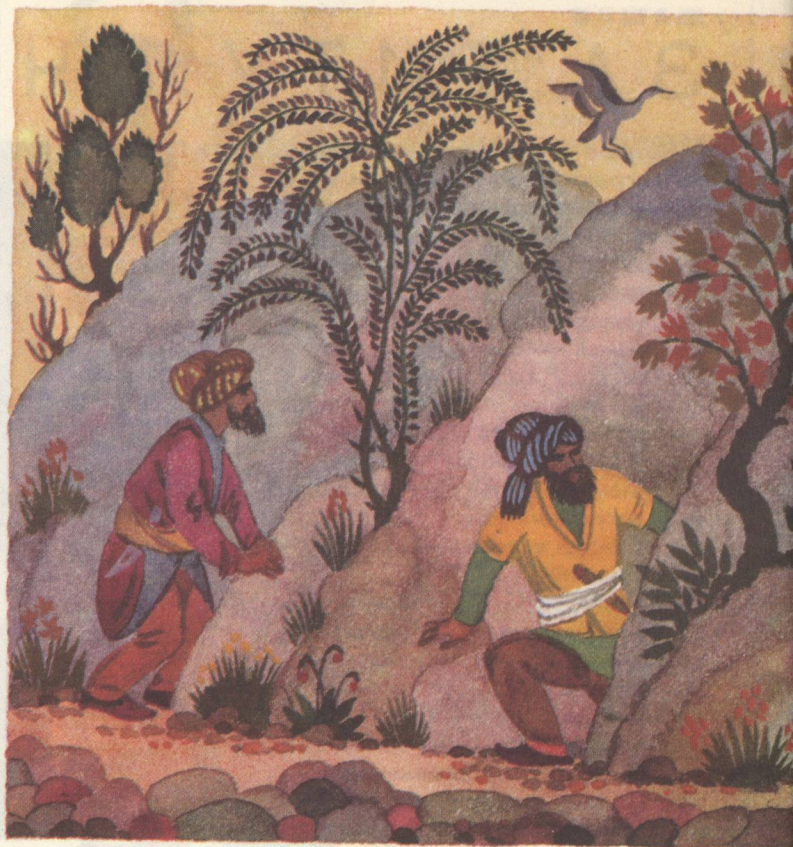
игравшему почти все Олимпийские турниры, где он участвовал, ни разу не удалось отстоять титул, когда дело доходило до матча.

Олимпийские турниры проводятся в високосные годы. А между ними титул чемпиона разыгрывается в матчах. Нынешний турнир — восьмой.

Кто же в такой турнир допускается? Каждая страна, входящая во Всемирную шашечную федерацию, имеет право послать туда своего чемпиона, а признанным сильнейшим «шашечным державам» — СССР, Голландии, Франции, Италии — предоставляется и по дополнительному месту. А еще одно — персональное — приглашение вручается чемпиону мира — его получил Куперман.

Как сложится турнир, разумеется, неизвестно. Но одно ясно: на золотую медаль в первую очередь будут претендовать советские и голландские шашечники: и те и другие играют сейчас лучшие представители остальных стран. Недаром наши три шашечных богатыря, Куперман, Щеголев и рижанин Андрис Андрейко, в течение 14-ти лет удерживали высший титул, отдавая его лишь друг другу, но не на сторону. Однако два молодых голландца — уже побывавший чемпионом в 1972—74 годах Тон Сейбрандс и ждущий своего часа 23-летний Харм Вирсма — очень опасны. Борьба в Олимпийском турнире предстоит острая!

Ю. БАРСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

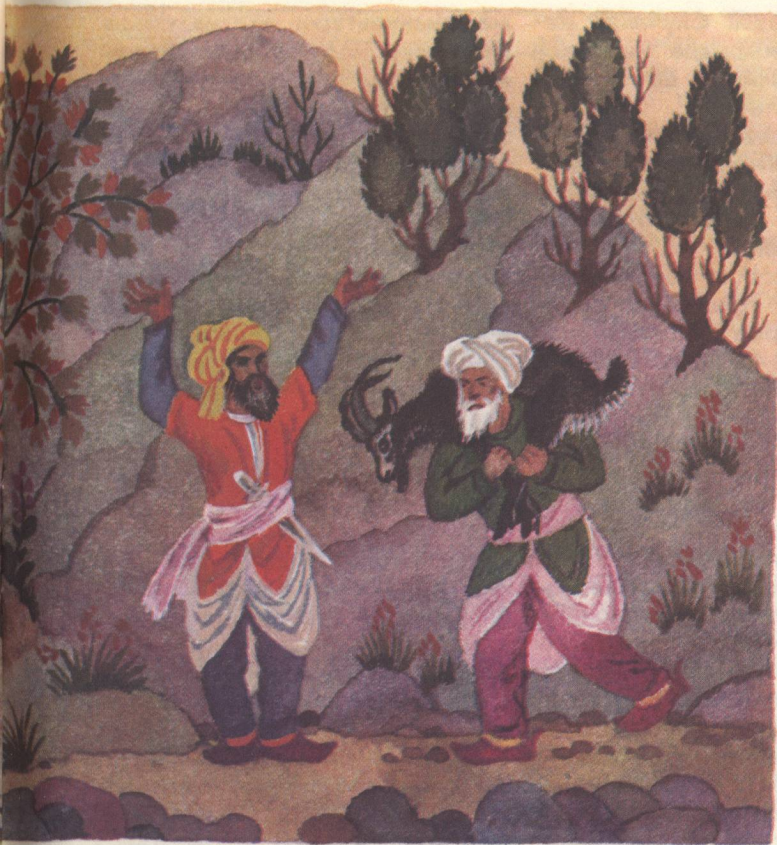
О Тупом Брахмане

В одном селении жил некий брахман, невежественный и суеверный, который не знал никакой науки и никакого ремесла, а кормился тем, что ходил по окрестным деревням и выпрашивал себе подавание именем бога. И люди давали ему — кто риса, кто молока, кто овцу, кто целую корову.

Однажды — было это зимою, под вечер, — он пришел в соседнюю деревню и у одного богатого крестьянина попросил животное, которое он мог бы принести в жертву богам. Крестьянин выбрал ему из своего стада жирную козу.

А время было тогда голодное. И вот, когда брахман вышел с козой на плечах из дома крестьянина, приметили его издали три плута, у которых от голода подвело животы. «Недурно бы нам отведать сегодня свежей козлятины, — подумали они. — В такой холод плохо ложиться спать на тощак». Мошенники знали, по какой дороге брахман будет возвращаться в свою деревню. И окольной тропой, чтобы он их не заметил, они обогнали его и расположились вдоль дороги на изрядном расстоянии друг от друга.

Когда брахман приблизился к тому месту, где поджидал его первый мошенник, тот вышел на дорогу и сказал: «О добрый человек, что это несешь ты на плечах? Судя по твоей одежде, ты — брахман. Разве не знаешь ты, что брахману нельзя прикасаться к собаке? Придется тебе каяться, чтобы очиститься от этого греха». Брахман очень рассердился. «Или ты ослеп, что принимаешь козу за собаку?» — вскричал он в гневе. Прохожий отвечал смиренно: «Не сердись, добрый человек. Тебе, конечно, виднее, коза это или собака. Поступай как знаешь». И он прошел мимо. «Наверно, бедняга сошел с ума», — подумал брахман и продолжал свой путь.

трёх Плутах

индийская сказка

Рисунок
К. Овчинникова

Немного погодя ему повстречался второй плут. Тот, завидев брахмана, всплеснул руками и воскликнул: «О, знать очень любил ты этого теленка, если тащишь его теперь, дохлого, на плечах! Но куда ты несешь его? И разве неведомо тебе, что прикосновение к падали оскверняет брахмана? Покайся, брахман, и соверши омовение, чтобы очиститься от этого греха!» Тогда брахман остановился, изумленный, снял с плеч козу и посмотрел на нее внимательно. Потом он накинулся на прохожего с бранью: «Где ты видишь падаль, дурень? Это коза, которую я несу домой, чтобы принести в жертву богам!» — «О праведный брахман, не гневайся на меня! — отвечал поспешно прохожий. — Если ты говоришь, что это коза, пусть это будет коза». — «И этот тоже сумасшедший», — подумал брахман, опять взвалил козу на плечи и зашагал дальше. Но у него стало тревожно на сердце.

И тогда третий плут вышел на дорогу ему навстречу и еще издали, завидев его, закричал, смеясь: «Ну и потеха! Первый раз вижу человека, который тащит на себе осла! Уж не рехнулся ли ты, брахман? Осел ведь почитается нечистым животным, хуже собаки! Как ты мог навлечь на себя такой грех? Брахман, коснувшийся осла, должен немедленно окунуться в воду!»

«Что это? — подумал вконец перепуганный брахман. — Не может быть, чтобы все трое оказались сумасшедшими! Видно, это оборотень принял облик козы, чтобы погубить меня!» И, бросив козу, он пустился бежать куда глаза глядят, бормоча молитвы и заклинания.

А трое плутов подобрали козу и славно поужинали в этот вечер.

Пересказал В. ЭРМАН

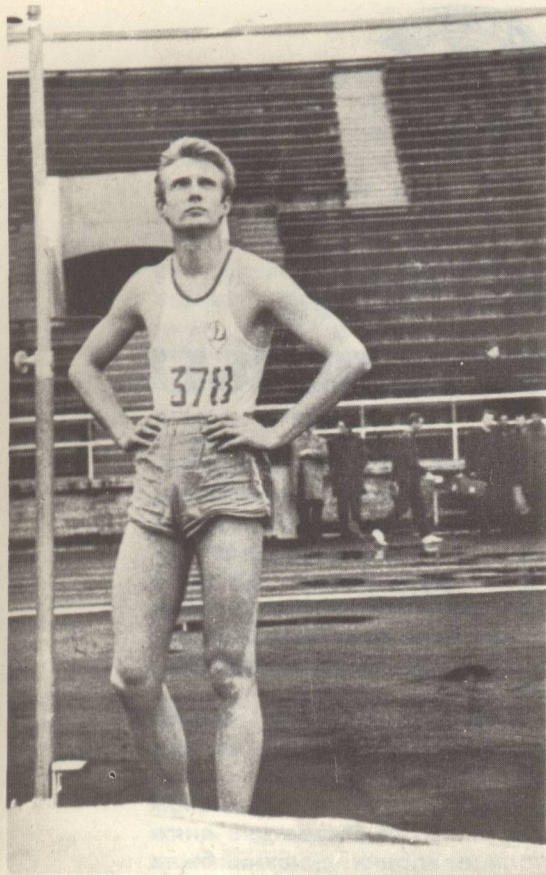
ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!..

Теплоход приближался к берегу. И вдали, где вот-вот должны были показаться, но так и не показались из-за быстро наступившей темноты очертания Токио, мы увидели сперва едва заметные огоньки, а затем сплошное электрическое зарево.

Внезапно раздался всеобщий возглас удивления. В небе над Токио вспыхнули разноцветные кольца — олимпийская эмблема. Через два дня в столице Японии должны были стартовать Олимпийские игры, и город еще раз напоминал всем о предстоящем событии.

С тех пор прошло двенадцать лет, но никогда не забыть мне этих огненных пяти колец над повседневной токийской иллюминацией. Да иначе и быть не могло. Олимпиада всегда волнует сердца любителей спорта. По горло

дел, казалось бы, самых неотложных, а пришла пора, и вот уже все подчинено ей.

Истинные болельщики за-долго до стартов включаются в водоворот прогнозов и предсказаний. Но кто поистине ни днем ни ночью не знает покоя — так это участники предстоящих сражений. Годы упорного, кропотливого труда затрачены на то, чтобы познать

радость победы. Случайно медали на Олимпиаде не завоеешь. Случайно ее только можно лишиться.

Но сторицей вознагражден тот, кто «поймает миг удачи». Ибо нет ничего почетней в спорте, чем звание олимпийского чемпиона.

И пускаются в невообразимый пляс в токийском спортивном дворце японские волейболистки — победительницы турнира. И плачет навзрыд юная американская пловчиха, только что финишировавшая в мюнхенском бассейне на десятую долю секунды раньше остальных участниц заплыва. И целует буквально всех подряд, казалось бы, такой невозмутимый человек, как голландец Питер Клайне — лучший конькобежный стайер Инсбрукской олимпиады.

Там, в Инсбруке, мне удалось поздравить с победой первую советскую чемпионку XII зимних Игр ленинградку Галину Степанскую, не имевшую себе равных в ледовых забегах на 1500 метров. Правда, мое удостоверение аккредитованного журналиста не давало права на проход в святая святых — места, где располагались сами олимпийцы. Но слова «Степанская, Ленинград», подкрепленные значком с силуэтом Петропавловской крепости, магически подействовали на обычно неприступного стража порядка.

Когда Галина, уже без пяти минут чемпионка, вступила с залитого солнцем стадиона в мрачноватый подтрибунный коридор, на лице ее не было и намека на бурную радость. Слишком много сил было только что отдано поединку на ледяной дорожке. Но едва отдышавшись, она счастливо улыбнулась и произнесла знаменитую фразу из «Фауста»: «Остановись, мгновенье!»

Остановить подобные мгновенья, которые воистину прекрасны, посылить, увы, лишь одним фотокорреспондентам. Именно они запечатлели героев Олимпиад для нас и наших потомков.

Люблю бывать в олимпийском зале Ленинградского До-

ма физкультуры, что на улице Халтурина, 22. Едва откроешь массивную, украшенную замысловатой резьбой дверь, тотчас встречаешься с чуть-чуть лукавым взглядом Наташи Кучинской — любимицы всей Мексики в еще сравнительно недалекий 1968 год. Рядом — совсем серьезная, почти строгая Людмила Пинаева, трижды победившая на Олимпиадах. В жизни она совсем другая — добрая, веселая.

А вот в том углу зала, где совсем недавно, после снежно-ледовых сражений в Инсбруке, появились свежие снимки, пополнившие фотогалерею ленинградцев — олимпийских чемпионов, со стены, к сожалению, не улыбается один из любимейших моих спортсменов — лыжник Евгений Беляев. Здесь — победители. А он привез с берегов Инна на берега Невы «только» серебряную медаль, завоеванную в гонке на 15 километров.

Сегодня, как и всегда, всем знакомым и друзьям Женя

улыбается так, что просто не верится, как он мог заканчивать со слезами на глазах этап лыжной олимпийской эстафеты в Зеефельде. Со слезами обиды. Восемь километров этот белокурый великан (рост Беляева прямо-таки баскетбольный — 1 метр 88 сантиметров) лидировал. И когда он уже «оторвался» от ближайшего соперника на 15 секунд, сломалось крепление, соединяющее лыжу с ботинок. И ровно полкилометра шел он на одной лыже. Потом вроде бы повезло: в конце девятого, предпоследнего километра столь несчастливого этапа оказался один из наших тренеров — Анатолий Акентьев. Анатолий мигом расшнуровал ботинок, и вот уже Беляев снова («двулыжный»!) мчит по снежной трассе.

Чего стоил Жене этот заключительный километр, мы поняли только на финише: оказалось, нога-то у Акентьева на три номера меньше, чем у Беляева. И в такой ситуации он еще старался наверстать упу-

щенное, зная, что бороться надо до конца и верить в победу — тоже до конца.

Что же касается фотопортрета «неудачника» лыжни Зеефельда, то, уверен, он обязательно появится в этом уютном зале. Ведь Жене еще только двадцать два года.

«Остановись, мгновенье!..» — так и хочется воскликнуть, когда, напрягшись в последнем взрывном усилии, с чугунным «шариком» в руке, ленинградская спортсменка Надежда Чижова на какую-то долю секунды замирает, прежде чем произвести толчок. До чего же координированы, эффектны движения атлетки!

После чемпионата Европы, проходившего в Риме осенью 1974 года и принесшего Чижовой очередную золотую медаль, прославленная легкоатлетка из-за тяжелого недуга долго не выступала в соревнованиях. Но вот 6 марта 1976 года она снова вышла в сектор для толкания ядра и опередила всех соперниц в традиционном матче легкоатлетических сборных СССР и США. Да еще и результат Надежда показала лучший в мире за прошедший зимний сезон — 20 метров.

К великолепным, иногда и фантастическим успехам своих соотечественников, выступающих на Олимпиадах, мы с вами уже как-то привыкли. Вернее, «приучили» они нас к олимпийским радостям, особенно в последнее время, привезя домой из Мюнхена и Инсбрука небывалый «урожай» золотых медалей.

Когда читатель возьмет в руки этот номер журнала, олимпийский огонь в чаше, поднятой на 50-метровую высоту над главным стадионом Монреаля, уже погаснет и мы с вами уже поздравим советских олимпийцев с новой большой победой. Которую ждали, в которую верили.

Конечно же, нынче прогнозы накануне любых соревнований — дело ненадежное. И все-таки общекомандные успехи наших олимпийцев мож-

но смело прогнозировать — их истоки надежны и долговечны.

Они — в небывалом размахе занятий физкультурой и спортом в Советском Союзе.

В непрерывном совершенствовании нашей системы физического воспитания, где главная роль отдана комплексу ГТО, нормативы которого уже сдали более 40 миллионов человек. И значит, на дороге, ведущей к будущим Играм, зеленый свет загорится для каждого, кто трудом и упорством заставит отступить килограммы, метры, секунды...

М. ЭСТЕРЛИС

Рисунки
М. Беломлинского

Однажды итальянский композитор Россини услышал от своего приятеля, что некто собрал коллекцию орудий пыток.

— А есть в этой коллекции пианино? — поинтересовался Россини.

— Нет, — удивился приятель. — Конечно, нет.

— Значит, в детстве этот коллекционер не учился музыке, — сказал Россини.

Французский композитор Рамо лежал при смерти. К нему пришёл священник. Сначала он старался воздействовать на закоренелого безбожника словом. Потом, видя, что никакие уговоры не помогают и умирающий не помышляет о покаянии, священник запел молитву.

Рамо вслушался, с усилием повернул голову и прошептал:

— Что вы там поете? У вас же слуха нет!

В семилетнем возрасте Моцарт выступал с концертами в Германии. После концерта к нему подошел мальчик лет четырнадцати.

— Как прекрасно ты играешь! Мне никогда так не научиться.

— Отчего же? Ты ведь совсем большой. Попробуй, а если не получится, то сначала запиши ноты.

— Да я пишу... Правда, стихи.

— Это ведь тоже очень интересно. И наверно, труднее, чем сочинять музыку.

— Отчего же? Совсем легко. Ты попробуй...

Собеседником Моцарта был юный Гёте.

СОДЕРЖАНИЕ

„Солнце в веснушках“ рассказы артековцев	1
Машинист рассказ В. Козлова	2
Как дела, Кулайхан? очерк В. Тузова	12
Барaban журнал юнкоров	14
Салют, дрезденцы! заметка И. Ломакиной	18
Пять похищенных монахов повесть Ю. Коваля	20
Окно пятилетки	31
Морская газета	32
Удивительный Стеклов очерк Г. Балуева	34
Мастера очерк А. Лисняка	37
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	38
Спасибо орнитологам заметки В. Четкарева	41
Стихи и рассказы твоих ровесников	42
Белый остров очерк А. Иванченко	44
Концерт рассказ Н. Катерли	48
Стихи Г. Горбовского	52
Не сказали, что нашли рассказ А. Леонова	54
Арчбек шахматы и шашки	56
Уголёк журнал для малышей	57
За титул чемпиона очерк Ю. Барского	59
О глупом брахмане и трех плутах индийская сказка	60
Остановись, мгновенье!.. очерк М. Эстерлиса обформление Б. Петрушанского	61

Главный редактор **С. В. САХАРНОВ**

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-25077. Сдано в набор 5/IV 1976 г. Подписано к печати 11/VII 1976 г. Формат 60x90 1/4.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600000 экз. Заказ 2606. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7

Эту картину Демьяша, Сиволапыч, Хусейн и Гном создавали вчетвером. В результате получился неплохой объект для тренировки внимания, глазомера и памяти. Поглядите на картину в течение трех минут, закройте ее листом бумаги и напишите на листе:

1. Сколько живых существ на картине?
2. Сколько на картине неодушевленных предметов, поддающихся счету?
3. Наименования десяти любых предметов, изображенных на картине, в таком порядке, чтобы первый предмет был самым маленьким, а из остальных каждый был больше предыдущего.
4. Десять наименований предметов, которых нет на картине, начинающихся на букву «Р».
5. Наименования всех предметов, которых на картине по два.
6. Наименования всех предметов, изображенных вверх ногами.

Затем откройте картину и проверьте свои записи.

Если в первой и второй записях ваша ошибка составит не более 3-х в сторону преуменьшения или преувеличения, то у вас хороший глазомер.

Если в третьей и четвертой записях вы ошибочно перечислили не более чем по 3 предмета, то у вас хорошая память.

Если в пятой и шестой записях вы ошиблись не более чем на 3 наименования, то у вас хорошее внимание.

Кроссворд одной из победительниц нашего конкурса НАТАШИ ПАРОМОВОЙ из Невьянска Хусейн рекомендует решать не в одиночку, а компанией. По очереди каждый из участвующих отгадывает слово. Угадал — 1 очко. Не угадал — делает попытку отгадать следующий. Выигрывает тот, кто наберет больше очков.

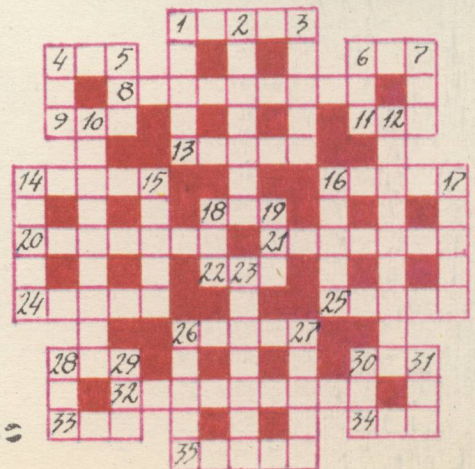
По горизонтали: 1. Приспособление для чистки. 4. Знаменитый цирковой артист. 6. Слои древесной коры. 8. Острова в Атлантическом океане. 9. Город в СССР. 11. Остров в Зондском архипелаге. 13. Оболочка куколки насекомого. 14. Спортивный снаряд. 16. Мифический дракон древнеармянского фольклора. 18. Вид антилоп. 20. Переход нагретой жидкости в пар. 21. Страна в Европе. 22. Сторона, противоположная верху. 24. Мыс на о. Сахалин.

25. Цветок. 26. Часть артиллерийского орудия. 28. Копытное животное. 30. Река в Азии. 32. Горная порода. 33. Скопление летучих насекомых. 34. Речная рыба. 35. Греческая буква.

По вертикали: 1. Детеныш домашнего животного. 2. Насекомое. 3. Петля. 4. Залив у берегов Ирландии. 5. Река в России. 6. Румынская денежная единица. 7. Вид комнатного светильника. 10. Острова в Тихом океане. 12. Первый президент США. 14. Город в Аравии. 15. Архипелаг в Тихом океане. 16. Сушеная рыба. 17. Скрученное волокно. 18. Биологическая единица наследственности. 19. Марка советских автомобилей. 23. Минеральное вещество из соединений кальция. 26. Вид бабочки. 27. Широкая тесьма из ткани. 28. Хвойный лес. 29. Принадлежность для бильярда. 30. Латинская буква. 31. Продукт горения.

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

Соскучился по школе

Майя БОРИСОВА

Рисунок О. Филипенко

Перегрелся на солнце я, что ли?
Заскучал вдруг
по собственной школе...

Чудеса!

Я б сейчас, например,
Просто так

порешал бы пример.
И припомнил бы парочку правил,
Просто так,

чтобы ум не заржавел.
В лес пошли мы вчера за грибами.
Вспомнил:

надо же делать гербарий.
А соседской дошкольнице Лизке
Я стишок прочитал по-английски.
Петька дразнится:

«Бедненький дачник!
Принесите ребенку задачник!
Завалите его на контрольной,
Он тогда будет очень довольный!»
Я и сам понимаю: нелепо.
Я ведь помер бы, если б не лето,
Так хотел нагуляться на воле!
А теперь вот

скучаю по школе...

